

## Василий Шукшин. Калина красная

---

© Copyright Василий Шукшин

Подготовка электронного текста: библиотека Александра Снежинского

---

История эта началась в исправительно-трудовом лагере, севернее города Н., в местах прекрасных и строгих.

Был вечер после трудового дня.

Люди собрались в клубе...

На сцену вышел широкоплечий мужчина с обветренным лицом и объявил:

-- А сейчас хор бывших рецидивистов споет нам задумчивую песню "Вечерний звон"!

На сцену из-за кулисы стали выходить участники хора -- один за одним. Они стали так, что образовали две группы -- большую и малую. Хористы все

были далеко не "певучего" облика.

-- В группе "бом-бом", -- возвестил дальше широкоплечий и показал на большую группу, -- участвуют те, у кого завтра оканчивается срок заключения. Это наша традиция, и мы ее храним.

Хор запел. То есть завели в малой группе, а в большой нагнули головы и в нужный момент ударили с чувством:

-- Бом-м, бом-м...

В группе "бом-бом" мы видим и нашего героя -- Егора Прокудина, сорокалетнего, стриженного. Он старался всерьез и, когда "звонили", морщил

лоб и качал круглой крестьянской головой -- чтобы похоже было, что звук колокола плывет и качается в вечернем воздухе.

Так закончился последний срок Егора Прокудина. Впереди -- воля.

Утром в кабинете у одного из начальников произошел следующий разговор:

-- Ну, расскажи, как думаешь жить, Прокудин? -- спросил начальник. Он, видимо, много-много раз спрашивал это -- больно уж слова его вышли какие-то готовые.

-- Честно! -- поторопился с ответом Егор, тоже, надо полагать, готовым, потому что ответ выскочил поразительно легко.

-- Да это-то я понимаю... А как? Как ты это себе представляешь?

-- Думаю заняться сельским хозяйством, гражданин начальник.

-- Товарищ.

-- А? -- не понял Егор.

-- Теперь для тебя все -- товарищи, -- напомнил начальник.

-- А-а! -- с удовольствием вспомнил Прокудин. И даже посмеялся своей забывчивости. -- Да-да... Много будет товарищей!

-- А что это тебя в сельское хозяйство-то потянуло? -- искренне поинтересовался начальник.

-- Так я же ведь крестьянин! Родом-то. Вообще люблю природу. Куплю корову...

-- Корову? -- удивился начальник.

-- Корову. Вот с таким выемом. -- Егор показал руками.

-- Корову надо не по вымю выбирать. Если она еще молодая, какое же у нее "вот такое" вымя? А ты выберешь старую, у нее действительно вот такое вымя... Толку-то что? Корова должна быть... стройная.

-- Так это что же тогда -- по ногам? -- сугодничал Егор вопросом.

-- Что?

-- Выбирать-то. По ногам, что ли?

-- Да почему по ногам? По породе. Существуют породы -- такая-то порода... Например, холмогорская... -- Больше начальник не знал.

-- Обожаю коров, -- еще раз с силой сказал Егор. -- Приведу ее в стойло... поставлю...

Начальник и Егор помолчали, глядя друг на друга.

-- Корова -- это хорошо, -- согласился начальник. -- Только... что ж, ты одной коровой и будешь заниматься? У тебя профессия-то есть какая-нибудь?

-- У меня много профессий.

-- Например?

Егор подумал, как если бы выбирал из множества своих профессий наименее... как бы это сказать -- меньше всего пригодную для воровских целей.

-- Слесарь...

Зазвонил телефон. Начальник взял трубку.

-- Да. Да. А какой урок-то был? Тема-то какая? "Евгений Онегин"? Так, а насчет кого они вопросы-то стали задавать? Татьяны? А что им там непонятно в Татьяне? Что, говорю, им там... -- Начальник некоторое время слушал тонкий крикливый голос в трубке, укоризненно смотрел при этом на Егора и чуть кивал головой: мол, все ясно. -- Пусть... Слушай сюда: пусть они там демагогией не занимаются! Что значит -- будут дети, не будут дети?! Про это, что ли, поэма написана! А то я им приду объясню! Ты им... Ладно, сейчас Николаев придет к

вам. -- Начальник положил трубку и взял другую. Пока набирал номер, недовольно проговорил: -- Доценты мне... Николаев? Там у учительницы литературы урок сорвали: начали вопросы задавать. А? "Евгений Онегин". Да

не насчет Онегина, а насчет Татьяны: будут у нее дети от старика или не будут? Иди разберись. Давай. Во, доценты, понимаешь! -- сказал начальник, кладя трубку. -- Вопросы начали задавать.

Егор посмеялся, представив этот урок литературы.

-- Хотят знать...

-- У тебя жена-то есть? -- спросил начальник строго.

Егор вынул из нагрудного кармана фотографию и подал начальнику.

Тот

взял, посмотрел.

-- Это твоя жена? -- спросил он, не скрывая удивления.

На фотографии была довольно красивая молодая женщина, добрая и ясная.

-- Будущая, -- сказал Егор. Ему не понравилось, что начальник удивился. -- Ждет меня. Но живую я ее ни разу не видел.

-- Как это?

-- Заочница. -- Егор потянулся, взял фотографию. -- Позвольте. -- И сам засмотрелся на милое русское простое лицо. -- Байкалова Любовь Федоровна. Какая доверчивость на лице, а! Это удивительно, правда? На кассира похожа.

-- И что она пишет?

-- Пишет, что беду мою всю понимает... Но, говорит, не понимаю, как ты додумался в тюрьму угодить? Хорошие письма. Покой от них... Муж был пьянчуга

-- выгнала. А на людей все равно не обозлилась.

-- А ты понимаешь, на что идешь? -- негромко и серьезно спросил начальник.

-- Понимаю, -- тоже негромко сказал Егор и спрятал фотографию.

-- Во-первых, оденься как следует. Куда ты такой... Ванька с Пресни заявишься. -- Начальник недовольно оглядел Егора. -- Что это за... почему так одет-то?

Егор был в сапогах, в рубашке-косоворотке, в фуфайке и каком-то форменном картузе -- не то сельский шофер, не то слесарь-сантехник, с легким

намеком на участие в художественной самодеятельности.

Егор мельком оглядел себя, усмехнулся.

-- Так надо было по роли. А потом уже не успел переодеться.

-- Артисты... -- только и сказал начальник и засмеялся. Он был не злой человек, и его так и не перестали изумлять люди, изобретательность которых не знает пределов.

И вот она -- воля!

Это значит -- захлопнулась за Егором дверь, и он очутился на улице небольшого поселка. Он вздохнул всей грудью весеннего воздуха, зажмурился и покрутил головой. Прошел немного и прислонился к забору. Мимо шла какая-то старушка с сумочкой, остановилась.

-- Вам плохо?

-- Мне хорошо, мать, -- сказал Егор. -- Хорошо, что я весной сел. Надо всегда весной садиться.

-- Куда садиться? -- не поняла старушка.

-- В тюрьму.

Старушка только теперь сообразила, с кем говорит. Опасливо отстранилась и посеменила дальше. Посмотрела еще на забор, мимо которого шла. Опять оглянулась на Егора.

А Егор поднял руку навстречу "Волге". "Волга" остановилась. Егор стал договариваться с шофером. Шофер сперва не соглашался везти, Егор достал из кармана пачку денег, показал... и пошел садиться рядом с шофером.

В это время к ним подошла старушка, которая проявила участие к Егору, -- не поленилась перейти улицу.

-- Я прошу извинить меня, -- заговорила она, склоняясь к Егору. -- А почему именно весной?

-- Садиться-то? Так весной сядешь -- весной и выйдешь. Воля и весна! Чего еще человеку надо? -- Егор улыбнулся старушке и продекламировал: -- Май мой синий! Июнь голубой!

-- Вон как!.. -- Старушка изумилась. Выпрямилась и глядела на Егора, как глядят в городе на коня -- туда же, по улице идет, где машины. У старушки было румяное морщинистое личико и ясные глаза. Она, сама того не ведая, доставила Егору приятнейшую, дорогую минуту.

"Волга" поехала.

Старушка некоторое время смотрела вслед ей.

-- Скажите... Поэт нашелся. Фет.

А Егор весь отдался движению. Кончился поселок, выскочили на простор.

-- Нет ли у тебя какой музыки? -- спросил Егор.

Шофер, молодой парень, достал одной рукой из-за спины транзисторный магнитофон.

-- Включи. Крайняя клавиша...

Егор включил какую-то славную музыку. Откинулся головой на сиденье, закрыл глаза. Долго он ждал такого часа. Заждался.

-- Рад? -- спросил шофер.

-- Рад? -- очнулся Егор. -- Рад... -- Он точно на вкус попробовал это словцо. -- Видишь ли, малыш, если бы я жил три жизни, я бы одну просидел в

тюрьме, другую -- отдал тебе, а третью -- прожил бы сам, как хочу. Но так как она у меня всего одна, то сейчас я, конечно, рад. А ты умеешь радоваться? -- Егор от полноты чувства мог иногда взбежать повыше -- где обитают слова красивые и пустые. -- Умеешь, нет?

Шофер пожал плечами, ничего не ответил.

-- Э-э, тухлое твоё дело, сынок, -- не умеешь.

-- А чего радоваться-то?

Егор вдруг стал серьезным. Задумался. С ним это бывало -- вдруг ни с того ни с сего задумается.

-- А? -- спросил Егор из каких-то своих мыслей.

-- Чего, говорю, шибко радоваться-то? -- Шофер был парень трезвый и занудливый.

-- Ну, это я, брат, не знаю -- чего радоваться, -- заговорил Егор, с неохотой возвращаясь из своего далекого далека. -- Умеешь -- радуйся, не умеешь -- сиди так. Тут не спрашивают. Стихи, например, любишь?

Парень опять неопределенно пожал плечами.

-- Вот видишь, -- с сожалением сказал Егор, -- а ты радоваться собрался.

-- Я и не собирался радоваться.

-- Стихи надо любить, -- решительно закруглил Егор этот вялый разговор.

-- Слушай, какие стихи бывают. -- И Егор начал читать -- с пропуском, правда, потому что подзабыл.

...в снежную выбель  
Заметалась звенящая жуть.  
Здравствуй, ты, моя черная гибель,  
Я навстречу тебе выхожу!

Город, город! Ты в схватке жестокой  
Окрестил нас как пададь и мразь.  
Стынет поле в тоске...

какой-то... Тут подзабыл малость.

Телеграфными столбами давясь...

Тут опять забыл. Дальше:

Пусть для сердца тягуче колко,  
Это песня звериных прав!..  
...Так охотники травят волка,  
Зажимая в тиски облав.

Зверь припал... и из пасмурных недр  
Кто-то спустит сейчас курки...  
Вдруг прыжок... и двуногого недруга  
Раздирают на части клыки.

О, привет тебе, зверь мой любимый!  
Ты недаром даешься ножу.  
Как и ты -- я, отовсюду гонимый,  
Средь железных врагов прохожу.

Как и ты -- я всегда наготове,  
И хоть слышу победный рожок,  
Но отпробует вражеской крови  
Мой последний, смертельный прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель  
Упаду и заруюсь в снегу...  
Все же песню отмщенья за гибель  
Пропоют мне на том берегу.

Егор, сам оглушенный силой слов, некоторое время сидел, стиснув зубы, глядел вперед. И была в его взгляде, сосредоточенном, устремленном вдаль, решимость, точно и сам он бросил прямой вызов кому-то и не страшился ни тогда, ни теперь.

-- Как стихи? -- спросил Егор.

-- Хорошие стихи.

-- Хорошие. Как стакан спирту дернул, -- сказал Егор. -- А ты: не люблю стихи. Молодой еще, надо всем интересоваться. Останови-ка... я своих подружек встретил.

Шофер не понял, каких он подружек встретил, но остановился.

Егор вышел из машины... Вокруг был сплошной березовый лес. И такой это был чистый белый мир на черной еще земле, такое свечение!.. Егор прислонился к березке, огляделся кругом.

-- Ну, ты глянь, что делается! -- сказал он с тихим восторгом. Повернулся к березке, погладил ее ладонью. -- Здорово! Ишь ты какая... Невеста какая. Жениха ждешь? Скоро уж, скоро. -- Егор быстро вернулся к машине. Все теперь было понятно. Нужен выход какой-нибудь. И скорее. Немедленно.

-- Жми, малыш, на весь костыль. А то у меня сердце сейчас из груди выпрыгнет: надо что-то сделать. Ты спиртного с собой не возишь?

-- Откуда!  
-- Ну, тогда рули. Сколько стоит твой музыкальный ящик?  
-- Двести.  
-- Беру за триста. Он мне понравился.

В областном городе, на окраине, Егор велел остановиться, не доезжая того дома, где должны быть свои люди. Щедро расплатился с шофером, взял

музыкальный ящик и дворами, сложно, пошел "на хату".

"Малина" была в сборе.

Сидела приятная молодая женщина с гитарой. Сидел около телефона некий

здоровый лоб, похожий на бульдога, упорно смотрел на телефон. Сидели четыре

девицы с голыми ногами... Ходил по комнате рослый молодой парень, поглядывал на телефон... Сидел в кресле Губошлеп с темными зубами, потягивал из фужера шампанское... Еще человек пять-шесть молодых парней

сидели кто где -- курили или просто так.

Комната была драная, гадкая. Синенькие какие-то обои, захватанные и тоже дранью, совсем уж некстати напоминали цветом своим весеннее небо, и от

этого вовсе нехорошо было в этом вонючем сокрытом мирке, тяжело. Про такие

обиталища говорят, обижая зверей, -- логово.

Все сидели в каком-то странном оцепенении. Время от времени поглядывали

на телефон. Напряжение чувствовалось во всем. Только скуластенькая молодая

женщина чуть перебирала струны и негромко, красиво пела, хриповато, но

очень душевно:

Калина красная,  
Калина вызрела,  
Я у залеточки  
Характер вызнала.

Характер вызнала,  
Характер -- ой какой,  
Я не уважила,  
А он пошел к другой...  
А я...

Во входную дверь негромко постучали условным стуком. Все сидящие дернулись, как от вскрика.

-- Цыть! -- сказал Губошлеп. И весело посмотрел на всех. -- Нервы, -- еще сказал Губошлеп. И взглядом послал одного открыть дверь.

Пошел рослый парень.

-- Цепочка, -- сказал Губошлеп. И сунул руку в карман. И ждал.

Рослый парень, не скидывая дверной цепочки, приоткрыл дверь... И поспешно скинул цепочку, оглянулся на всех...

Дверь закрылась.

И вдруг за дверью грянул марш. Егор пинком открыл ее и вошел под марш.

На него зашикали и повскакали с мест.

Егор выключил магнитофон, удивленно огляделся.

К нему подходили, здоровались... Но старались не шуметь.

-- Привет, Горе. (Такова была кличка Егора -- Горе.)

-- Здорово.

-- Отпыхтел?

Егор подавал руку, но все не мог понять, что здесь такое. Много было знакомых, а были не просто знакомые -- была тут Люсьен (скуластенякая), был,

наконец, Губошлеп -- их Егор рад был видеть. Но что они?

-- А чего вы такие все?

-- Ларек наши берут, -- пояснил один, здороваясь. -- Должны звонить... Ждем.

Очень обрадовалась Егору скуластенякая женщина. Она повисла у него на шее... И всего исцеловала. Глаза ее, чуть влажные, прямо сияли от неподдельной радости.

-- Горе ты мое!.. Я тебя сегодня во сне видела...

-- Ну-ну, -- говорил счастливый Егор. -- И что я во сне делал?

-- Обнимал меня. Крепко-крепко.

-- А ты ни с кем меня не спутала?

-- Горе!..

-- А ну, повернись-ка, сынку! -- сказал Губошлеп. -- Экий ты какой стал!

Егор подошел к Губошлепу, они сдержанно обнялись. Губошлеп так и не встал. Весело смотрел на Егора.

-- Я вспоминаю один весенний вечер... -- заговорил Губошлеп. И все стихли. -- В воздухе было немножко сыро, на вокзале -- сотни людей. От чемоданов рябит в глазах. Все люди взволнованы -- все хотят уехать. И среди

этих взволнованных, нервных сидел один... Сидел он на своем деревенском

сундуке и думал горькую думу. К нему подошел некий изящный молодой человек и

спросил: "Что пригорюнился, добрый молодец?" -- "Да вот... горе у меня!

Один

на земле остался, не знаю, куда деваться". Тогда молодой человек...

Зазвонил телефон. Всех опять как током дернуло.

-- Да? -- вроде как безразлично спросил парень, похожий на бульдога. И долго слушал. И кивал. -- Все сидим здесь. Я не отхожу от телефона. Все здесь, Горе пришел... Да. Только что. Ждем. Ждем. -- Похожий на бульдога положил трубку и повернулся ко всем. -- Начали.

Все пришли в нервное движение.

-- Шампанзе! -- велел Губошлеп.

Бутылки с шампанским пошли по рукам.

-- Что за ларек? -- спросил Егор Губошлепа.

-- Кусков на восемь, -- сказал тот. -- Твое здоровье!

Выпили.

-- Люсьен... Что-нибудь... снять напряжение, -- попросил Губошлеп. Он был худой, спокойный и чрезвычайно наглый, глаза очень наглые.

-- Я буду петь про любовь, -- сказала приятная Люсьен. И тряхнула крашеной головой, и с маху положила ладонь на струны. И все стихли.

Тары-бары-растабары,

Чары-чары...

Очи-ночь.

Кто не весел,

Кто в печали --

Уходите прочь!

Во лугах, под покровом ночи,

Счастье даром раздают!

Очи, очи...

Сердце хочет:

Поманите -- я пойду!

Тары-бары-растабары...

Опять зазвонил телефон. Вмиг повисла гробовая тишина.

-- Да? -- изо всех сил спокойно сказал Бульдог в трубку. -- Нет, вы ошиблись номером. Ничего, пожалуйста. Бывает, бывает. -- Бульдог положил

трубку. -- В прачечную звонит, сука.

Все пришли в движение.

-- Шампанзе! -- опять велел Губошлеп. -- Горе, от кого поклоны принес?

-- Потом, -- сказал Егор. -- Дай я сперва нагляжусь на вас. Вот, вишь, тут молодые люди незнакомые... Ну-ка, я познакомлюсь.

Молодые люди по второму разу, с почтением подавали руки. Егор

внимательно, с усмешкой заглядывал им в глаза. И кивал головой, и говорил:

"Так, так".

-- Хочу плясать! -- заявила Люсьен. И трахнула фужер об пол.

-- Ша, Люсьен, -- сказал Губошлеп. -- Не заводись.

-- Иди ты к дьяволу! -- сказала подпившая Люсьен. -- Горе, наш коронный номер!

И Егор тоже с силой бросил свой фужер. И у него тоже заблестели глаза.

-- Ну-ка, молодые люди, дайте круг. Брысь!

-- Ша, Горе! -- повысил голос Губошлеп. -- Выбрали время!

-- Да мы же услышим звонок! -- заговорили со всех сторон Губошлепу. --

Пусть сбачают.

-- Чего ты? Пусть выйдут!

-- Бульдя же сидит на телефоне.

Губошлеп вынул платочек и хоть запоздало, но важно, как Пугачев, махнул им.

Две гитары дернули "Барыню".

Пошла Люсьен... Ах, как она плясала! Она умела. Не размашисто, нет, а четко, легко, с большим тактом. Вроде вколачивала каблучками в гроб свою

калеку-жизнь, а сама, как птица, била крыльями -- чтоб отлететь. Много она вкладывала в пляску. Она даже красивой вдруг сделалась, родной и милой...

Егор, когда Люсьен подступала к нему, начинал тоже и работал только ногами. Руки заложены за спину, ничего вроде особенного, не прыгал козлом

-- а тоже хорошо. Хорошо у них выходило. Таилось что-то за этой пляской - неизжитое, незабытое.

-- Вот какой минуты ждала моя многострадальная душа, -- сказал Егор вполне серьезно. Такой, верно, ждалась ему желанная воля.

-- Подожди, Егорушка, я еще не так успокою твою душу, -- откликнулась Люсьен. -- Ах как я ее успокою! И сама успокоюсь.

-- Успокой, Люсьен. А то она плачет.

-- Успокою. Я прижму ее к сердцу, голубку, скажу ей: "Устала? Милая... милая... добрая... Устала".

-- Смотри, не клюнула бы эта голубка, -- встрял в этот деланный разговор Губошлеп. -- А то клюнет.

-- Нет, она не злая, -- серьезно сказал Егор, не глядя на Губошлепа. И жесткость легла тенью на его доброе лицо. Но плясать они не перестали, они

плясали. На них хотелось без конца смотреть, и молодые люди смотрели, с какой-то тревогой смотрели, жадно, как будто заколачивалась в гроб некая отвратительная часть и их жизни тоже -- можно потом выйти на белый свет, а

там -- весна.

-- Она устала в клетке, -- сказала Люсьен нежно.

-- Она плачет, -- сказал Егор. -- Нужен праздник.

-- По темечку ее... Прутиком, -- сказал Губошлеп. -- Она успокоится.

-- Какие люди, Егорушка! А? -- воскликнула Люсьен. -- Какие злые!

-- Ну, на злых, Люсьен, мы сами -- волки. Но душа-то, душа-то...

Плачет.

-- Успокоим, Егорушка, успокоим. Я же волшебница, я все чары свои  
пущу

в ход...

-- Из голубей похлебка хорошая, -- сказал ехидный Губошлеп. Весь он,  
худой как нож, собранный, страшный своей молодой ненужностью, весь он  
ушел

в свои глаза. Глаза горели злобой.

-- Нет, она плачет! -- остервенело сказал Егор. -- Плачет! Тесно ей там  
-- плачет! -- Он рванул рубаху... И стал против Губошлепа. Гитары смолкли.  
И

смолк перепляс волшебницы Люсьен.

Губошлеп держал уже руку в кармане.

-- Опять ты за старое, Горе? -- спросил он, удовлетворенный.

-- Я тебе, наверно, последний раз говорю, -- спокойно тоже и устало  
сказал Егор, застегивая рубаху. -- Не тронь меня за болячку... Когда-нибудь  
ты не успеешь сунуть руку в карман. Я тебе сказал.

-- Я слышал.

-- Эх-х!.. -- огорчилась Люсьен. -- Скука... Опять покойники, кровь...

Бр-р... Налей-ка мне шампанского, дружок.

Зазвонил телефон. Про него как-то забыли все.

Бульдог кинулся к аппарату, схватил трубку... Поднес к уху, и она  
обожгла его. Он бросил ее на рычажки.

Первым вскочил с места Губошлеп. Он был стремительный человек. Но  
все  
же он был спокоен.

-- Сгорели, -- коротко и ужасно сказал Бульдог.

-- По одному -- кто куда, -- скомандовал Губошлеп. -- Веером. На две  
недели все умерли. Время!

Стали исчезать по одному. Исчезать они, как видно, умели. Никто ничего  
не спрашивал.

-- Ни одной пары! -- еще сказал Губошлеп. -- Сбор у Иванова. Не раньше  
десяти дней.

Егор сел к столу, налил фужер шампанского, выпил.

-- Ты что, Горе? -- спросил Губошлеп.

-- Я?.. -- Егор помедлил в задумчивости. -- Я, кажется, действительно  
займусь сельским хозяйством.

Люсьен и Губошлеп стояли над ним в недоумении.

-- Каким сельским хозяйством?

-- Уходить надо, чего ты сел?! -- встряхнула его Люсьен.

Егор очнулся. Встал.

-- Уходить? Опять уходить... Когда же я буду приходить, граждане? А где мой славный ящичек?.. А, вот он. Обязательно надо уходить? Может...

-- Что ты! Через десять минут здесь будут. Наверно, выследили.

Люсьен пошла к выходу.

Егор двинулся было за ней, но Губошлеп мягко остановил его за плечо. И мягко сказал:

-- Не надо. Погорим. Мы скоро все увидимся...

-- А ты с ней пойдешь? -- прямо спросил Егор.

-- Нет, -- твердо и, похоже, честно сказал Губошлеп. -- Иди! -- резко крикнул он Люсьен, которая задержалась в дверях.

Люсьен недобро глянула на Губошлепа и вышла.

-- Отдохни где-нибудь, -- сказал Губошлеп, наливая в два фужера. -- Отдохни, дружок, -- хоть к Кольке Королёву, хоть к Ваньке Самыкину, у него

уголок хороший. А меня прости за... сегодняшнее. Но... Горе ты мое, Горе, ты же мне тоже на болячку жмешь, только не замечаешь. Давай. Со встречей. И --

до свиданья пока. Не горюй. Гроши есть?

-- Есть. Мне там собрали...

-- А то могу подкинуть.

-- Давай, -- передумал Егор.

Губошлеп вытащил из кармана и дал сколько-то Егору. Пачку.

-- Где будешь?

-- Не знаю. Найду кого-нибудь. Как же вы так -- завалились-то?..

В это время в комнату скользнул один из молодых, белый от испуга.

-- Квартал окружили, -- сказал он.

-- А ты что?

-- Я не знаю куда... Я вам сказать.

-- Сам прет на рога, -- засмеялся Губошлеп. -- Чего ж ты опять сюда-то?

Ах, милый ты мой, теленочек мой... За мной, братики!

Они вышли каким-то черным ходом и направились было вдоль стены в сторону улицы, но оттуда, с той стороны, слышались крепкие шаги патруля.

Они -- в другую сторону, но и оттуда раздались тоже шаги...

-- Так, -- сказал Губошлеп, не утрачивая своей загадочной веселости.

-- Что-то паленым пахнет. А, Егор? Чуеть?

-- Ну-ка, сюда! -- Егор втолкнул своих спутников в какую-то нишу.

Шага с обеих сторон приближались...

И в одном месте, справа, по стене прыгнул лучик сильного карманного фонаря.

Губошлеп вынул из кармана наган...

-- Брось, дура! -- резко и зло сказал Егор. -- Психопат. Может, те не

расколются... А ты тут стрельбу откроешь.

-- Та знаю я их! -- нервно воскликнул Губошлеп. Вот сейчас, вот тут он, пожалуй, утратил свое спокойствие.

-- Вот я сейчас рвану -- уведу их. У меня справка об освобождении, -- заговорил Егор быстро, выискивая глазами -- в какую сторону рвануть. -- Справка помечена сегодняшним числом... Я прикрытый. Догонят -- скажу:

испугался. Скажу: бабенку искал, услышал свистки -- испугался сдуру... Все. Не поминайте лихом!

И Егор ринулся от них... И побежал напропалую. Тотчас со всех сторон раздались свистки и топот ног.

Егор бежал с каким-то азартом, молодо... Бежал, да еще и приговаривал себе, подпевал. Увидел просвет, кинулся туда, полез через какие-то трубы и победно спел:

-- Оп, тирдарпупия! Ничего я не видал, ох, никого не знаю!..

Он уже перебрался через трубы... Сзади в темноте, совсем близко, бежали. Егор юркнул в широкую трубу и замер.

Над ним загрохотали железные шаги...

Егор сидел, скрючившись, и довольно улыбался. И шептал:

-- Д-ничего я не видал, д-никого не знаю.

Он затеял какую-то опасную игру. Когда гул железный прекратился и можно

было пересидеть тут и вовсе, он вдруг опять снялся с места и опять побежал.

За ним опять устремились.

-- Эх, ничего я не видал, ох, никого не знаю! Д-никого не знаю! -- подбадривал себя Егор. Маханул через какую-то высокую изгородь, побежал по

кустам -- похоже, попал в какой-то сад. Близко взлаяла собака. Егор кинулся вбок... Опять изгородь, он перепрыгнул и очутился на кладбище.

-- Привет! -- сказал Егор. И пошел тихо.

А шум погони устремился дальше -- в сторону.

-- Ну надо же, сбежал! -- изумился Егор. -- Всегда бы так, елки зеленые. А то ведь, когда хочешь подорвать, попадаешься, как ребенок.

И опять охватила Егора радость воли, радость жизни.

-- Ох, д-ничего ж я не видал, д-никого не знаю, -- еще разок спел Егор. И включил свой славный ящичек на малую громкость. И пошел читать надписи на

надгробиях. Кладбище огибала улица, и свет фар надолго освещал кресты -

- пока машина огибала угол. И тени от крестов, длинные, уродливые,плыли по

земле, по холмикам, по оградкам... Жутковатая, в общем-то, картина. А тут еще музычка Егорова -- вовсе как-то нелепо. Егор выключил музыку.

-- "Спи спокойно до светлого утра", -- успевал прочитывать Егор. --

"Купец первой гильдии Неверов"... А ты-то как здесь?! -- удивился Егор. -- Тыща восемьсот девяносто... А-а, ты уже давно. Ну-ну, купец первой гильдии... "Едут с товарами в путь из Касимова..." -- запел было негромко Егор, но спохватился. -- "Дорогому, незабвенному мужу от неутешной вдовы",

-- прочитал он дальше. Присел на скамеечку, посидел некоторое время... Встал. -- Ну, ладно, ребята, вы лежите, а я пойду. Ничего не сделаешь... Пойду себе, как честный фраер: где-то же надо, в конце концов, приткнуть голову. Надо же? Надо. -- И все же спел еще разок: -- Д-ничего ж я не видал, д-никого ж не зна-аю.

И стал он искать, куда бы приткнуться.

У двери деревянного домика на самой окраине из сеней ему сурово сказали:

-- Иди отсюда! А то я те выйду, покажу горе... Горе покажу и страдание.

Егор помолчал немного.

-- Ну, выйди.

-- И выйду!

-- Выйдешь... Ты мне скажи: Нинка здесь или нет? -- по-доброму спросил Егор мужика за дверью. -- Только правду! А то ведь я узнаю... И строго накажу, если обманешь.

Мужик тоже помолчал. И тоже сменил тон, сказал дерзко, но хоть не так зло:

-- Никакой здесь Нинки нет, тебе говорят! Неужели непонятно? Шляются тут по ночам-то.

-- Поджечь, что ли, вас? -- вслух подумал Егор. И брякнул спичками в кармане. -- А?

За дверью долго молчали.

-- Попробуй, -- сказал наконец голос. Но уже вовсе не грозно. -- Попробуй подожги. Нет Нинки, я те серьезно говорю. Уехала она.

-- Куда?

-- На Север куда-то.

-- А чего ты лаяться кинулся? Неужели трудно было сразу объяснить?

-- А потому что меня зло берет на вас! Из-за таких вот и уехала... С таким же вот.

-- Ну, считай, что она в надежных руках -- не пропадет. Будь здоров!

В телефонной будке Егор тоже рассердился.

-- Почему нельзя-то?! Почему? -- орал он в трубку.

Ему что-то долго объясняли.

-- Заразы вы все, -- с дрожью в голосе сказал Егор. -- Я из вас букет сделаю, суки: головками вниз посажу в клумбу... Ну, твари! -- Егор бросил трубку... И задумался. -- Люба, -- произнес он с дурашливой нежностью. -- Все. Еду к Любе. -- И он зло саданул дверью будки и пошагал к вокзалу. И

говорил дорогой: -- Ах ты, лапушка ты моя! Любушка-голубушка...  
Оладушек ты  
мой сибирский! Я хоть отъежусь около тебя... Хоть волосы отрастут.  
Дорогуша  
ты моя сдобная! -- Егор все набирал и набирал какого-то остервенения. --  
Съем я тебя поеду! -- закричал он в тишину, в ночь. И даже не оглянулся  
посмотреть -- не потревожил ли кого своим криком. Шаги его громко  
отдавались  
в пустой улице; подморозило на ночь, асфальт звенел. -- Задушу в объятиях!..  
Разорву и схвачу! И запью самогонкой. Все!

И вот районный автобус привез Егора в село Ясное.  
А Егора на взгорке стояла и ждала Люба. Егор сразу увидел и узнал ее.  
В сердце толкнуло -- она!  
И пошел к ней.  
-- Ё-мое, -- говорил он себе негромко, изумленный, -- да она просто  
красавица! Просто зоренька ясная. Колобок просто ... Красная шапочка...  
-- Здравствуйте, -- сказал он вежливо и наигранно застенчиво. И подал  
руку. -- Георгий. -- И пожал с чувством крепкую крестьянскую руку. И -- на  
всякий случай -- тряхнул ее, тоже с чувством.  
-- Люба. -- Женщина просто и как-то задумчиво глядела на Егора.  
Молчала. Егору от ее взгляда сделалось беспокойно.  
-- Это я, -- сказал он. И почувствовал себя очень глупо.  
-- А это -- я, -- сказала Люба. И все смотрела на него спокойно и  
задумчиво.  
-- Я некрасивый, -- зачем-то сказал Егор.  
Люба засмеялась.  
-- Пойдем-ка посидим пока в чайной, -- сказала она. -- Расскажи про  
себя, что ли...  
-- Я непьющий, -- поспешил Егор.  
-- Ой ли? -- искренне удивилась Люба. И очень как-то просто у нее это  
получилось, естественно. Егора простота эта сбивала с толку.  
-- Нет, я, конечно, моту поддержать компанию, но... это... не так чтоб  
засандалить там... Я очень умеренный.  
-- Да мы чайку выпьем, и все. Расскажешь про себя маленько. -- Люба  
все смотрела на своего заочника... И так странно смотрела, точно над собой  
же и подсмеивалась в душе, точно говорила себе, изумленная своим  
поступком:  
"Ну не дура ли я? Что затеяла-то?" Но женщина она, видно, само-  
стоятельная:  
и смеется над собой, а делает, что хочет. -- Пойдем... Расскажи. А то у  
меня мать с отцом строгие, говорят: и не заявляйся сюда со своим  
арестантом.  
-- Люба шла несколько впереди и, говоря это, оглядывалась, и вид у нее был

спокойный и веселый. -- А я им говорю: да он арестант-то по случайности. По несчастью. Верно же?

Егор при известии, что у нее родители, да еще строгие, заскучал. Но вида не подал.

-- Да-да, -- сказал он "интеллигентно". -- Стечение обстоятельств, громадная невезуха...

-- Вот и я говорю.

-- У вас родители -- кержаки?

-- Нет. Почему ты так решил?

-- Строгие-то... Попрут еще. Я, например, курю.

-- Господи, у меня отец сам курит. Брат, правда, не курит...

-- И брат есть?

-- Есть. У нас семья большая. У брата двое детей -- большие уже: один в институте учится, другая десятилетку заканчивает.

-- Все учатся... Это хорошо, -- похвалил Егор. -- Молодцы. -- Но, однако, ему кисло сделалось от такой родни.

Зашли в чайную. Сели в углу за столик. В чайной былолюдно, беспрестанно входили и выходили... И все с интересом разглядывали Егора. От

этого тоже было неловко, неудобно.

-- Может, мы возьмем бутылочку да пойдем куда-нибудь? -- предложил Егор.

-- Зачем? Здесь вон как славно... Нюра, Нюр! -- позвала Люба девушку.

-- Принеси нам, голубушка... Чего принести-то? -- повернулась к Егору.

-- Красненького, -- сказал Егор, снисходительно поморщившись. -- У меня от водки изжога.

-- Красненького, Нюр! -- Загадочное впечатление производила Люба: она точно играла какую-то умную игру, играла спокойно, весело и с любопытством

всматривалась в Егора: разгадал тот или нет, что это за игра?

-- Ну, Георгий... -- начала она, -- Расскажи, значит, про себя.

-- Прямо как на допросе, -- сказал Егор и мелко посмеялся. Но Люба его не поддержала, и Егор посерьезнел.

-- Ну, что рассказывать? Я бухгалтер, работал в ОРСе, начальство, конечно, воровало... Тут -- бах! -- ревизия. И мне намотали... Мне, естественно, пришлось отдуваться. Слушай, -- тоже перешел он на "ты", -- давай уйдем отсюда: они смотрят, как эти...

-- Да пусть смотрят! Чего они тебе? Ты же не сбежал.

-- Вот справка! -- воскликнул Егор. И полез было в карман.

-- Я верю, верю, Господи! Я так, к слову. Ну, ну? И сколько же ты сидел?

-- Пять.

-- Ну?

-- Все... А что еще?

-- Это с такими ручищами ты -- бухгалтер? Даже не верится.

-- Что? Руки?.. А-а. Так это я их уже там натренировал... -- Егор потянул руки со стола.

-- Такими руками только замки ломать, а не на счетах... -- Люба засмеялась.

И Егор, несколько встревоженный, фальшиво посмеялся тоже.

-- Ну а здесь чем думаешь заниматься? Тоже бухгалтером будешь?

-- Нет! -- поспешно сказал Егор. -- Бухгалтером я больше не буду.

-- А кем же?

-- Надо осмотреться... А может, малость попридержать коней, Люба? -- Егор тоже прямо глянул в глаза женщины. -- Ты как-то сразу погнала вмах: работа, работа... Работа -- не Алитет. Подожди с этим.

-- А зачем ты меня обманывать-то стал? -- тоже прямо спросила Люба. -- Я же писала вашему начальнику, и он мне ответил...

-- А-а, -- протянул Егор, пораженный. -- Вот оно что... -- И ему стало легко и даже весело. -- Ну, тогда гони всю тройку под гору. Наливай.

И включил Егор музыку.

-- А такие письма писал хорошие, -- с сожалением сказала Люба. -- Это же не письма, а целые... поэмы прямо целые.

-- Да? -- оживился Егор. -- Тебе нравятся? Может, талант пропадает...

-- Он пропел: -- Пропала молодость, талант в стенах тюрьмы. Давай, Любовь,

наливай. Централка, все ночи полные огня... Давай, давай!

-- А чего ты-то погнал? Подожди... Поговорим.

-- Ну, начальничек, мля! -- воскликнул Егор. -- И ничего не сказал мне. А тихим фраером я подъехал? Да? Бухгалтером... -- Егор хохотнул. -- Бухгалтер... По учету товаров широкого потребления.

-- Так чего же ты хотел, Георгий? -- спросила Люба. -- Обманывал-то... Обокрасть, что ли, меня?

-- Ну, мать!.. Ты даешь! Поехал в далекие края -- две пары валенок брать. Ты меня оскорбляешь, Люба.

-- А чего же?

-- Что?

-- Чего хочешь-то?

-- Не знаю. Может, отдых душе устроить... Но это тоже не то: для меня отдых -- это... Да. Не знаю, не знаю, Любовь.

-- Эх, Егорушка.

Егор даже вздрогнул и испуганно глянул на Любу: так похоже она это сказала -- так говорила далекая Люсьен.

-- Что?

-- Ведь и правда, пристал ты, как конь в гору... только еще боками не проваливаешь. Да пена изо рта не идет. Упадешь ведь. Запалишься и упадешь.

У тебя правда, что ли, никого нету? Родных-то...

-- Нет, я сиротинушка горькая. Я же писал. Кличка моя знаешь какая?

Горе. Мой псевдоним. Но все же ты мне на мозоль, пожалуйста, не наступай. Не

надо. Я еще не побирушка. Чего-чего, а магазинчик-то подломить я еще смогу.

Иногда я бываю фантастически богат, Люба. Жаль, что ты мне не в эту пору

встретилась... Ты бы увидела, что я эти деньги вонючие... вполне презираю.

-- Презираешь, а идешь из-за них на такую страсть.

-- Я не из-за денег иду.

-- Из-за чего же?

-- Никем больше не могу быть на этой земле -- только вором. -- Егор сказал это с гордостью. Ему было очень легко с Любой. Хотелось, например,

чем-нибудь ее удивить.

-- Ое-ей! Ну, допивай да пойдем, -- сказала Люба.

-- Куда? -- удивился Егор.

-- Ко мне. Ты же ко мне приехал. Или у тебя еще где-нибудь заочница есть? -- Люба засмеялась. Ей было легко с Егором, очень легко.

-- погоди... -- не понимал Егор. -- Но мы же теперь выяснили, что я не бухгалтер...

-- Ну, уж ты тоже выбрал профессию... -- Люба качнула головой. -- Хотя бы уж свиновод, что ли, и то лучше. Выдумал бы какой-нибудь падеж свиней --

ну, осудили, мол. А ты, и правда-то, не похож на жулика. Нормальный мужик...

Даже вроде наш, деревенский. Ну, свиновод, пошли, что ли?

-- Между прочим, -- не без фанатизма заговорил Егор, -- к вашему сведению: я шофер второго класса.

-- И права есть? -- с недоверием спросила Люба.

-- Права в Магадане.

-- Ну, видишь, тебе же цены нет, а ты -- Горе! Бича хорошего нет на это горе. Пошли.

-- Типичная крестьянская психология. Ломовая. Я рецидивист, дурочка. Я ворюга несусветный. Я...

-- Тише! Что, опьянел, что ли?

-- Так. А в чем дело? -- опомнился Егор. -- Не понимаю, объясни, пожалуйста. Ну, мы пойдем... Что дальше?

-- Пошли ко мне. Отдохни хоть с недельку... Украсть у меня все равно нечего. Отдышись... Потом уж поедешь магазины ломать. Пойдем. А то люди

скажут, встретила -- от ворот поворот. Зачем же тогда звала? Знаешь, мы тут какие!.. Сразу друг друга осудим. Да и потом... не боюсь я тебя чего-то, не знаю.

-- Так. А папаша твой не приголубит меня... колуном по лбу? Мало ли какая ему мысль придет в голову.

-- Нет, ничего. Теперь уж надейся на меня.

Дом у Байкаловых большой, крестовый. В одной половине дома жила Люба со стариками, через стенку -- брат с семьей.

Дом стоял на высоком берегу реки, за рекой открывались необозримые дали. Хозяйство у Байкаловых налаженное, широкий двор с постройками, баня на самой крутизне.

Старики Байкаловы как раз стряпали пельмени, когда хозяйка, Михайловна, увидела в окно Любу и Егора.

-- Гли-ка, ведет ведь! -- всполошилась она. -- Любка-то!.. Рестанта-то!..

Старик тоже приник к окошку.

-- Вот теперь заживем! -- в сердцах сказал он. -- По внутреннему распорядку, язви ты в душу! Вот это отчебучила дочь!

Видно было, как Люба что-то рассказывает Егору: показывала рукой за реку, оглядывалась и показывала назад, на село. Егор послушно крутил головой. Но больше взглядывал на дом Любы, на окна.

А тут переполох полный. Все же не верили старики, что кто-то придет к ним из тюрьмы. И хоть Люба и телеграмму им показывала от Егора, все равно не верилось. А обернулось все чистой правдой.

-- Ну окаянная, ну, халда! -- сокрушалась старуха. -- Ну, чо я могла с халдой поделать? Ничо же я не могла...

-- Ты вида не показывай, что мы напужались или ишо чего... -- учил ее дед. -- Видали мы таких... разбойников! Стенька Разин нашелся.

-- Однако и приветить ведь надо?.. -- первая же и сообразила старуха. -- Или как? У меня голова кругом пошла -- не соображу...

-- Надо. Все будем по-людски делать, а там уж поглядим: может, жизни свои покладем... через дочь родную. Ну, Любка, Любка...

Вошли Люба с Егором.

-- Здравствуйте! -- приветливо сказал Егор.

Старики в ответ только кивнули... И открыто, в упор разглядывали Егора.

-- Ну, вот и бухгалтер наш, -- как ни в чем не бывало заговорила Люба. -- И никакой он вовсе не разбойник с большой дороги, а попал по... этому, по...

-- По недоразумению, -- подсказал Егор.

-- И сколько же счас дают за недоразумение? -- спросил старик.

-- Пять, -- кротко ответил Егор.

-- Мало. Раньше больше давали.

-- По какому же такому недоразумению загудел-то? -- прямо спросила старуха.

-- Начальство воровало, а он списывал, -- пояснила Люба. -- Ну, допросили? А теперь покормить надо -- человек с дороги. Садись пока, Георгий.

Егор обнажил свою стриженую голову и скромненько присел на краешек стула.

-- Посиди пока, -- велела Люба. -- Я пойду баню затоплю. И будем обедать.

Люба ушла. Нарочно, похоже, ушла -- чтобы они тут до чего-нибудь хоть договорились. Сами. Наверно, надеялась на своих незлобивых родителей.

-- Закурить можно? -- спросил Егор.

Не то что тяжело ему было -- ну и выгонят, делов-то! -- но если бы, например, все обошлось миром, то оно бы и лучше. Интереснее. Конечно, не

ради одного голого интереса хотелось бы здесь прижиться хоть на малое время,

а еще и надо было... Где-то надо было и пересидеть пока, и осмотреться.

-- Кури, -- разрешил дед. -- Какие куришь?

-- "Памир".

-- Сигаретки, что ли?

-- Сигаретки.

-- Ну-ка, дай я опробую.

Дед подсел к Егору. И все приглядывался к нему, приглядывался.

Закурили.

-- Дак какое, говоришь, недоразумение-то вышло? Метил кому-нибудь по лбу, а угодил в лоб? -- как бы между делом спросил дед.

Егор посмотрел на смекалистого старика.

-- Да... -- неопределенно сказал он. -- Семерых в одном месте зарезали, а восьмого не углядели -- ушел. Вот и попались...

Старуха выронила из рук полено и села на лавку.

Старик оказался умнее, не испугался.

-- Семерых?

-- Семерых. Напрочь: головы в мешок поклали и ушли.

-- Свят-свят-свят... -- закрестилась старуха. -- Федя...

-- Тихо! -- скомандовал старик. -- Один дурак городит чего ни попадя, а другая... А ты, кобель, аккуратней с языком-то: тут пожилые люди.

-- Так что же вы, пожилые люди, сами меня с ходу в разбойники записали? Вам говорят -- бухгалтер, а вы, можно сказать, хихикаете. Ну -- из тюрьмы... Что же, в тюрьме одни только убийцы сидят?

-- Кто тебя в убийцы зачисляет! Но только ты тоже, того... что ты булгахтер, это ты тоже... не заливай тут. Булгахтер! Я булгахтеров-то видел-перевидел!.. Булгахтера тихие все, маленько вроде пришибленные.

У булгахтера голос слабенький, очечки... и, потом, я заметил: они все курносые. Какой же ты булгахтер -- об твой лоб-то можно поросят

шестимесячных бить. Это ты Любке вон говори про булгахтера -- она поверит.

А я, как ты зашел, сразу определил: этот -- или за драку, или машину лесу украл. Так?

-- Тебе прямо оперуполномоченным работать, отец, -- сказал Егор. -- Цены бы не было. Колчаку не служил в молодые годы? В контрразведке белогвардейской?

Старик часто-часто заморгал. Тут он чего-то растерялся. А чего -- он и сам не знал. Слова очень уж зловещие.

-- Ты чего это? -- спросил он. -- Чего мелешь-то?

-- А чего так сразу смутился? Я просто спрашиваю... Хорошо, другой вопрос: колоски в трудные годы воровал с колхозных полей?

Старик, изумленный таким неожиданным оборотом, молчал. Он вовсе сбился

с налаженного было снисходительного тона и не находил, что отвечать этому

обормоту. Впрочем, Егор так и построил свой "допрос", чтобы сбивать и не давать опомниться. Он повидал в своей жизни мастеров этого дела.

-- Затрудняетесь, -- продолжал Егор. -- Ну, хорошо... Ну, поставим вопрос несколько иначе, по-домашнему, что ли: на собраниях часто выступаем?

-- Ты чего тут Микитку-то из себя строишь? -- спросил наконец старик. И готов был очень обозлиться. Готов был наговорить много и сердито, но тут Егор пружинисто снялся с места, надел форменную свою фуражку и заходил по комнате.

-- Видите, как мы славно пристроились жить! -- заговорил Егор, изредка остро взглядывая на сидящего старика. -- Страна производит электричество,

паровозы, миллионы тонн чугуна... Люди напрягают все силы. Люди буквально

падают от напряжения, ликвидируют все остатки разгильдяйства и слабоумия,

люди, можно сказать, заикаются от напряжения. -- Егор наскочил на слово "напряжение" и с удовольствием смаковал его. -- Люди покрываются морщинами

на Крайнем Севере и вынуждены вставлять себе золотые зубы... А в это самое

время находятся другие люди, которые из всех достижений человечества облюбовали себе печку! Вот как! Славно, славно... Будем лучше чужал подпирать ногами, чем дружно напрягаться вместе со всеми...

-- Да он с десяти годов работает! -- встряла старуха. -- Он с малолетства на пашне...

-- Реплики потом, -- резко осадил ее Егор. -- А то мы все добренькие, когда это не касается наших интересов, нашего, так сказать,

кармана...

-- Я -- стахановец вечный! -- чуть не закричал старик. -- У меня восемнадцать похвальных грамот.

Егор остановился удивленный.

-- Так чего же ты сидишь молчишь? -- спросил он другим тоном.

-- Молчишь... Ты же мне слова не даешь воткнуть!

-- Где похвальные грамоты?

-- Там, -- сказала старуха, вконец тоже сбитая с толку.

-- Где "там"?

-- Вон, в шкапчике... все прибраны.

-- Им место не в шкапчике, а на стене! В "шкапчике". Привыкли все по шкапчикам прятать, понимаешь...

В это время вошла Люба.

-- Ну, как вы тут? -- спросила она весело -- она разругалась в бане, волосы выбились из-под платка... Такая она была хорошая! Егор невольно загляделся на нее. -- Все тут у вас хорошо? Мирно?

-- Ну и ухаля ты себе нашла! -- с неподдельным восторгом сказал старик. -- Ты гляди, как он тут попер!.. Чисто комиссар какой! -- Старик засмеялся.

Старуха только головой покачала... И сердито поджала губы.

Так познакомился Егор с родителями Любы.

С братом ее, Петром, и его семьей знакомство произошло позже.

Петро въехал во двор на самосвале... Долго рычал самосвал, сотрясая стекла окошек. Наконец стал на место, мотор заглох, и Петро вылез из кабины.

К нему подошла жена Зоя, продавщица сельпо, членораздельная бабочка, быстрая и суетливая.

-- К Любке-то приехал... Этот-то, заочник-то, -- сразу сообщила она.

-- Да? -- нехотя полюбопытствовал Петро, здоровый мужчина, угрюмоватый, весь в каких-то своих думах. -- Ну и что? -- Пнул баллон, другой.

-- Говорит, был бухгалтером, ну, мол, ревизия -- то-се... А по роже видеть: бандит.

-- Да? -- опять нехотя и лениво сказал Петро. -- Ну и что?

-- Да ничего. Надо осторожней первое время... Ты иди глянь на этого бухгалтера! Иди глянь! Нож воткнет и не задумается этот бухгалтер.

-- Да? -- Петро продолжал пинать баллоны. -- Ну и что?

-- Ты иди глянь на него! Иди глянь! Вот так нашла себе!.. Иди глянь на него -- нам же под одной крышей жить теперь.

-- Ну и что?

-- Ничего! -- завьисла голос Зоя. -- У нас дочь-школьница, вот что! Заладил свое: "Ну и что? Ну и что?" Мы то и дело одни на ночь остаемся, вот

что! "Ну и что". Чтокалка чертова, пень! Жену с дочерью зарежут, он шагу не прибавит...

Петро пошел в дом, вытирая на ходу руки ветошью. Насчет того, что он "шагу не прибавит" -- это как-то на него похоже: на редкость спокойный мужик, медлительный, но весь налит свинцовой разящей силой. Сила эта чувствовалась в каждом движении Петра, в том, как он медленно ворочал головой и смотрел маленькими своими глазами -- прямо и с каким-то стылым,

немигающим бесстрашием.

-- Вот сейчас с Петром вместе пойдете, -- говорила Люба, собирая Егора в баню. -- Чего же тебе переодеть-то дать? Как же ты так: едешь свататься, и даже лишней пары белья нету? Ну? Кто же так заявляется!

-- На то она и тюрьма! -- воскликнул старик. -- А не курорт. С курорта и то, бывает, приезжают прозрачные. Илюха вон Лопатин радикулит ездил

лечить: корову целую ухнул, а приехал без копья.

-- Ну-ка вот, мужнины бывшие... Нашла. Небось годится. -- Люба извлекла из сундучка длинную белую рубаху и кальсоны.

-- То есть? -- не понял Егор.

-- Моего мужика бывшего... -- Люба стояла с бельем в руках. -- А чего?

-- Да я что?! -- обиделся Егор. -- Совсем, что ли, подзаборник -- чужое белье напялю. У меня есть деньги -- надо сходить и купить в магазине.

-- Где ты теперь купишь? Закрыто уж все. А чего тут такого? Оно стираное...

-- Бери, чего? -- сказал и старик. -- Оно же чистое.

Егор подумал и взял.

-- Опускаюсь все ниже и ниже, -- проворчал он при этом. -- Даже самому интересно... Я потом вам спою песню: "Во саду ли, в огороде".

-- Иди, иди, -- провожала его к выходу Люба. -- Петро у нас не шибко ласковый, так что не удивляйся: он со всеми такой.

Петро уже раздевался в предбаннике, когда туда сунулся Егор.

-- Бритых принимают? -- постарался он заговорить как можно веселее, даже рот растянул в улыбке.

-- Всяких принимают, -- все тем же ровным голосом, каким он говорил "ну и что", сказал Петро.

-- Будем знакомы, Георгий. -- Егор протянул руку. И все улыбался и заглядывал в сумрачные глаза Петра. Все же хотелось ему освоиться среди этих людей, почему-то теперь хотелось. Люба, что ли?.. -- Я говорю: я -- Георгий.

-- Ну-ну, -- сказал Петро. -- Давай еще целоваться. Георгий, значит, Георгий. Значит, Жора...

-- Джордж. -- Егор остался с протянутой рукой. Перестал улыбаться.

-- А? -- не понял Петро.

-- На! -- с сердцем сказал Егор. -- Курва, суюсь сегодня, как

побирушка!.. -- Егор бросил белье на лавку. -- Осталось только хвостом повилять. Что, я тебе дорогу перешел, что ты мне руку не соизволил подать?

Егор и вправду заволновался и полез в карман за сигаретой. Закурил. Сел на лавочку. Руки у него чуть дрожали.

-- Чего ты? -- спросил Петро. -- Расселся-то?

-- Иди мойся, -- сказал Егор. -- Я потом. Я же из заключения... Мы после вас. Не беспокойтесь.

-- Во!.. -- сказал Петро. И, не снимая трусов, вошел в баню. Слышно было, как он загремел там тазами, ковшом...

Егор прилег на широкую лавку, курил.

-- Ну надо же!.. -- сказал он. -- Как бедный родственник, мля.

Открылась дверь бани, из парного облака выглянул Петро.

-- Чего ты? -- спросил он.

-- Чего?

-- Чего лежишь-то?

-- Я подкидыш.

-- Во!.. -- сказал Петро. И усунулся опять в баню. Долго там наливал воду в тазы, двигал лавки... Не выдержал и опять открыл дверь. -- Ты пойдешь или нет?! -- спросил он.

-- У меня справка об освобождении! -- чуть не заорал ему в лицо Егор. -- Я завтра пойду и получу такой же паспорт, как у тебя! Точно такой, за исключением маленькой пометки, которую никто не читает. Понял?

-- Счас возьму и силком суну в тазик, -- сказал Петро невыразительно. -- И посажу на каменку. Без паспорта. -- Петру самому понравилось, как он сострил. Еще добавил: -- Со справкой. -- И хохотнул коротко.

-- Вот это уже другой разговор! -- Егор сел на лавке. И стал раздеваться. -- А то начинает тут... Диплом ему покажи!

А в это время мать Любина и Зоя, жена Петра, загнали в угол Любу и наперебой допрашивали ее.

-- На кой ты его в чайную-то повела? -- визгливо спрашивала членораздельная Зоя, женщина вполне истеричная. -- Ведь вся уж деревня знает: к Любке тюремщик приехал! Мне на работе прямо сказали...

-- Любка, Любка!.. -- насилу дозвалась мать. -- Ты скажи так: если ты, скажи, просто так приехал -- жир накопить да потом опять зауситься по свету,

-- то, скажи, уезжай седни же, не позорь меня перед людьми. Если, скажи, у тебя...

-- Как это может так быть, чтобы у него семьи не было? Как? Что он -- парень семнадцати годов? Ты думаешь своей головой-то?

-- Ты скажи так: если, скажи, у тебя чего худое на уме, то собирай манатки и...

-- Ему собратся -- только подпоясаться, -- встрял в разговор молчавший до этого старик. -- Чего вы навалились на девку? Чего счас с нее

спрашивать? Тут уж -- как выйдет, какой человек окажется. Как она за него может сейчас заручиться?

-- Не пугайте вы меня ради Христа, -- только и сказала Люба. -- Я сама боюсь. Что, вы думаете, просто мне?

-- Вот!.. Я тебе чего и говорю-то! -- воскликнула Зоя.

-- Ты вот чего... девка... Любка, слышь? -- опять затормошила Любу мать. -- Ты скажи так: вот чего, добрый человек, иди седни ночуй где-нибудь.

-- Это где же? -- обалдела Люба.

-- В сельсовете.

-- Тьфу! -- разозлился старик. -- Да вы что, совсем одурели?!

Гляди-ка: вызвали мужика да отправили его в сельсовет ночевать! Вот так да!.. Совсем уж нехристи какие-то.

-- Пусть его завтра милиционер обследует, -- не сдавалась мать.

-- Чего его обследовать-то? Он весь налицо.

-- Не знаю... -- заговорила Люба. -- А вот кажется мне, что он хороший человек. Я как-то по глазам вижу... Еще на карточке заметила: глаза какие-то... грустные. Вот хоть убейте вы меня -- мне его жалко. Может, я и...

Тут из бани с диким ревом выскочил Петро и покатился с веником по сырой земле.

-- Свари-ил! -- кричал Петро. -- Живьем сварил!..

Следом выскочил Егор с ковшом в руке.

К Петру уже бежали из дома. Старик бежал с топором.

-- Убили! Убили! -- заполошно кричала Зоя, жена Петра. -- Люди добрые, убили!..

-- Не ори, -- страдальческим голосом попросил Петро, садясь и поглаживая ошпаренный бок. -- Чего ты?

-- Чего, Петька? -- спросил запыхавшийся старик.

-- Попросил этого полудурка плеснуть ковшик горячей воды -- поддать на каменку, а он взял меня да окатил.

-- А я еще удивился, -- растерянно говорил Егор, -- как же, думаю, он стерпит?.. Вода-то ведь горячая. Я еще пальцем попробовал -- прямо кипяток!

Как же, думаю, он вытерпит? Ну, думаю, закаленный, наверно. Наверно, думаю,

кожа, как у быка, -- толстая. Я же не знал, что надо на каменку.

-- "Пальцем попробовал", -- передразнил Петро. -- Что, совсем уж? Ребенок, что ли, малый?

-- Я же думал, тебе окупнуться надо...

-- Да я еще не парился! -- заорал спокойный Петро. -- Я еще не мылся даже!.. Чего мне ополаскиваться-то?

-- Жиром каким-нибудь надо смазать, -- сказал отец, исследовав ожог.

-- Ничего тут страшного нету. Надо только жиру какого-нибудь... Ну-ка, кто?

-- У меня сало баранье есть, -- сказала Зоя. И побежала в дом.

-- Ладно, расходитесь, -- велел старик. -- А то уж вон людишки сбегаются.

-- Да как же это ты, Егор? -- спросила Люба.

Егор поддернул трусы и опять стал оправдываться.

-- Понимаешь, как вышло: он уже напощивал -- дышать нечем -- и просит: "Дай ковшик горячей". Ну, думаю, хочет мужик температурный баланс навести...

-- "Бала-анс", -- опять передразнил его Петро. -- Навел бы я те сейчас баланс -- ковшом по лбу! Вот же полудурок-то, весь бок ошпарил. А если бы

там живой кипяток был?

-- Я же пальцем попробовал...

-- "Пальцем"!.. Чем тебя только делали, такого.

-- Ну, дай мне по лбу, правда, -- взмолился Егор, -- мне легче будет.

-- Он протянул Петру ковш. -- Дай, умоляю...

-- Петро... -- заговорила Люба. -- Он же нечаянно. Ну, что теперь?

-- Да идите вы в дом, ей-Богу! -- рассердился на всех Петро. -- Вон и правда люди собираться начали.

У изгороди Байкаловых действительно остановилось человек шесть-семь

любопытных.

-- Чо там у их? -- спросил у стоявших вновь подошедший мужик.

-- Петро ихний... Пьяный на каменку свалился, -- пояснила какая-то старушка.

-- Ох, е!.. -- сказал мужик. -- Дак а живой ли?

-- Живой... Вишь, сидит. Чухается.

-- Вот заорал-то, наверно!

-- Так заорал, так заорал!.. У меня ажник стекла задребезжали.

-- Заорешь...

-- Чо же, задом, что ли, приспособился?

-- Как же задом? Он же сидит.

-- Да сидит же... Боком, наверно, угодил. А эт кто же у их? Что за мужик-то?

-- Это ж надо так пить! -- удивлялась старушка.

Засиделись далеко за полночь.

Старые люди, слегка захмелев, заговорили и заспорили о каких-то своих делах. Их, старых, набралось за столом изрядно, человек двенадцать. Говорили, перебивая друг друга, а то и сразу по двое, по трое.

-- Ты кого говоришь-то? Кого говоришь-то? Она замуж-то вон куда выходила -- в Краюшкино, ну!

-- Правильно. За этого, как его? За этого...

-- За Митьку Хромова она выходила!

-- Ну, за Митьку.

-- А Хромовых раскулачили...

-- Кого раскулачили? Громовых? Здорово живешь?..  
-- Да не Громовых, а Хромовых!  
-- А-а. А то я слушаю -- Громовых. Мы с Михайлой-то Громовым  
шишковать  
в чернь ездили.  
-- А когда, значит, самого-то Хромова раскулачили...  
-- Правильно, он маслобойку держал.  
-- Кто маслобойку держал? Хромов? Это маслобойку-то Воиновы  
держали, ты  
чо! А Хромов, сам-то, гурты вон перегонял из Монголии. Шерстобитку  
они  
держали, верно, а маслобойку Воиновы держали. Их тоже раскулачили. А  
самого  
Хромова прямо от гурта взяли... Я ишо помню: амбар у их стали ломать --  
пимы  
искали, они пимы катали, вся деревня, помню, сбежалась глядеть.  
-- Нашли?  
-- Девять пар.  
-- Дак, а Митьку-то не тронули?  
-- А Митька-то успел уже, отделился. Вот как раз на Кланьке-то женился,  
его отец и отделил. Их не тронули. Но все равно, когда отца увезли, Митька  
сам уехал из Краюшкина: чижало ему показалось после этого жить там.  
-- Погоди-ка, а кто же тада у их в Карасук выходил?  
-- Это Манька! Манька-то тоже ишо живая, в городе у дочери живет. Да  
тоже плохо живет! Этто как-то стрела ее на базаре: жалеет, что дом продала в  
деревне. Пока, говорит, ребятишки, внучатки-то маленькие были, говорит,  
нужна была, а ребятишки выросли -- в тягость стала.  
-- Оно так, -- сказали враз несколько старух. -- Пока водисся -- нужна,  
как маленько ребятишки подросли -- не нужна.  
-- Ишо какой зять попадет. Попадет обмылок какой-нибудь -- он тебе...  
-- Какие они нынче, зятя-то! Известное дело...  
Несколько в сторонке от пожилых сидели Егор с Любой. Люба  
показывала  
семейный альбом с фотографиями, который сама она собрала и бережно  
хранила.  
-- А это Михаил, -- показывала Люба братьев. -- А это Павел и Ваня...  
вместе. Они сперва вместе воевали, потом Пашу ранило, но он поправился  
и  
опять пошел. И тогда уж его убило. А Ваню последним убило, в Берлине.  
Нам  
командир письмо прислал... Мне Ваню больше всех жалко, он такой  
веселый  
был. Везде меня с собой таскал, я маленькая была. А помню его хорошо...  
Во  
сне вижу -- смеется. Вишь, и здесь смеется. А вот Петро наш... Во, строгий

какой, а самому всего только... сколько же? Восемнадцать ему было? Да, восемнадцать. Он в плен попадал, потом наши освободили их. Его там избили

сильно... А больше нигде даже не царапнуло.

Егор поднял голову, посмотрел на Петра... Петро сидел один, курил. Выпитое на нем не отразилось никак, он сидел, как всегда, задумчивый и спокойный.

-- Зато я его сегодня... ополоснул. Как черт под руку подтолкнул.

Люба склонилась ближе к Егору и спросила негромко и хитро:

-- А ты не нарочно его? Прямо не верится, что ты...

-- Да ты что! -- искренне воскликнул Егор. -- Я, правда, думал, он на себя просит, как говорится: вызываю огонь на себя.

-- Да ты же из деревни, говоришь, как же ты так подумал?

-- Ну... везде свои обычаи.

-- А я уж, грешным делом, решила: сказал ему чего-нибудь Петро не так, тот прикинулся дурачком да и плесканул.

-- Ну!.. Что ж я?..

Петро, почувствовав, что на него смотрят и говорят о нем, посмотрел в их сторону... Встретились взглядом с Егором. Петро по-доброму усмехнулся.

-- Что, Жоржик, сварил было?

-- Ты прости, Петро.

-- Да будет! Заведи-ка еще разок свою музыку, хорошая музыка.

Егор включил магнитофон. И грянул тот самый марш, под который Егор

входил в "малину". Жизнерадостный марш, жизнеутверждающий. Он странно звучал

здесь, в крестьянской избе, -- каким-то нездешним ярким движением вломился

в мирную беседу. Но движение есть движение: постепенно разговор за столом

стих. И все сидели и слушали марш-движение.

А ночью было тихо-тихо. Светила в окно луна.

Егору постелили в одной комнате со стариками, за цветастой занавеской, которую насквозь всю прошивал лунный свет.

Люба спала в горнице. Дверь в горницу была открыта. Там тоже было тихо.

Егору не спалось. Эта тишина бесила.

Он приподнял голову, прислушался... Тихо. Только старик похрапывает да тикают ходики.

Егор ужом выскользнул из-под одеяла и, ослепительно белый, в кальсонах

и длинной рубахе, неслышно прокрался в горницу. Ничто не стукнуло, не скрипнуло... Только хрустнула какая-то косточка в ноге Егора, в лапе где-то.

Он дошел уже до двери горницы. И ступил уже шаг-другой по горнице, когда в тишине прозвучал отчетливый, никакой не сонный голос Любы:

-- Ну-ка, марш на место!

Егор остановился. Малость помолчал...

-- А в чем дело-то? -- спросил он обиженно, шепотом.

-- Ни в чем. Иди спать.

-- Мне не спится.

-- Ну, так лежи... думай о будущем.

-- Но я хотел поговорить! -- стал злиться Егор. -- Хотел задать пару вопросов...

-- Завтра поговорим. Какие вопросы ночью?

-- Один вопрос! -- вконец обозлился Егор. -- Больше не задам...

-- Любка, возьми чего-нибудь... Возьми сковородник, -- раздался вдруг голос старухи сзади, тоже никакой не заспанный.

-- У меня пестик под подушкой, -- сказала Люба.

Егор пошел на место.

-- Поше-ол... На цыпочках. Котяра, -- сказала еще старуха. -- Думает, его не слышат. Я все слышу. И вижу.

-- Фраер!.. -- злился шепотом Егор за цветастой занавеской. -- Отдохнуть душой!.. Телом!.. Фраер со справкой!

Он полежал тихо... Перевернулся на другой бок.

-- Луна еще, сука!.. Как сдурела. -- Он опять перевернулся. -- Круговую оборону заняли, понял! Кого охранять, спрашивается?

-- Не ворчи, не ворчи там, -- миролюбиво уже сказала старуха. -- Разворчался.

И вдруг Егор громко, отчетливо, остервенело процитировал:

-- Ее нижняя юбка была в широкую красную и синюю полосу и казалась

сделанной из театрального занавеса. Я бы много дал, чтобы занять первое место, но спектакль не состоялся. -- Пауза. И потом в тишину из-за занавески полетело еще -- последнее, ученое: -- Лихтенберг! Афоризмы!

Старик перестал храпеть и спросил встревоженно:

-- Кто? Чего вы?

-- Да вон... ругается лежит, -- сказала старуха недовольно. -- Первое место не занял, вишь.

-- Это не я ругаюсь, -- пояснил Егор. -- А Лихтенберг.

-- Я вот поругаюсь, -- проворчал старик. -- Чего ты там?

-- Это не я! -- раздраженно воскликнул Егор. -- Так сказал Лихтенберг. И он вовсе не ругается, он острит.

-- Тоже, наверно, булгахтер? -- спросил старик не без издевки.

-- Француз, -- откликнулся Егор.

-- А?

-- Француз!

-- Спите! -- сердито сказала старуха. -- Разговорились.

Стало тихо. Только тикали ходики.

И паялилась в окошки луна.

Наутро, когда отзавтракали и Люба с Егором остались одни за столом, Егор сказал:

-- Так, Любовь... Еду в город заниматься эки... ров... экипировкой. Оденусь.

Люба спокойно, чуть усмешливо, но с едва уловимой грустью смотрела на него. Молчала, как будто понимала нечто большее, чем то, что ей сказал Егор.

-- Ехай, -- сказала она тихо.

-- А чего ты так смотришь? -- Егор и сам засмотрелся на нее, на утреннюю, хорошую. И почувствовал тревогу от возможной разлуки с ней. И ему

тоже стало грустно, но он грустить не умел -- он нервничал.

-- Как?

-- Не веришь мне?

Люба долго опять молчала.

-- Делай как тебе душа велит, Егор. Что ты спрашиваешь -- верю, не верю?.. Верю я или не верю -- тебя же это не остановит.

Егор нагнул свою стриженую голову.

-- Я бы хотел не врать, Люба, -- заговорил он решительно. -- Мне всю жизнь противно врать... Я вру, конечно, но от этого... только тяжелей жить. Я вру и презираю себя. И охота уж добить свою жизнь совсем, вдребезги. Только бы веселей и желательно с водкой. Поэтому сейчас я не буду врать: я

не знаю. Может, вернусь. Может, нет.

-- Спасибо за правду, Егор.

-- Ты хорошая, -- вырвалось у Егора. И он засуетился, хуже того, занервничал. -- Повело!.. Сколько ж я раз говорил это слово. Я же его замусолил. Ничего же слова не стоят! Что за люди!.. Дай, я сделаю так. -- Егор положил свою руку на руку Любы. -- Останусь один и спрошу свою душу.

Мне надо, Люба.

-- Делай, как нужно. Я тебе ничего не говорю. Уйдешь, мне будет жалко. Жалко-жалко! Я, наверно, заплачу... -- У Любы и теперь на глазах выступили

слезы. -- Но худого слова не скажу.

Егору вовсе стало невмогуту: он не переносил слез.

-- Так... Все, Любовь. Больше не могу -- тяжело. Прошу прощения.

И вот шагает он раздольным молодым полем... Поле непаханое, и на нем только-только проклюнулась первая остренькая травка. Егор шагает широко.

Решительно. Упрямо. Так он и по жизни своей шагал, как по этому полю, -

решительно и упрямо. Падал, поднимался и опять шел. Шел -- как будто в этом

одном все исступление, чтобы идти и идти, не останавливаясь, не оглядываясь,

как будто так можно уйти от себя самого.

И вдруг за ним -- невесть откуда, один за одним -- стали появляться люди. Появляются и идут за ним, едва поспевают. Это все его дружки, подружки, потертые, помятые, с бессовестным откровением в глазах. Все молчат. Молчит и Егор -- шагает. А за ним толпа все прибывает... И долго шли

так. Потом Егор вдруг резко остановился и, не оглядываясь, с силой отмахнулся от всех и сказал зло, сквозь зубы:

-- Ну, будет уж! Будет!

Оглянулся. Ему навстречу шагает один только Губошлеп. Идет и улыбается.

И держит руку в кармане. Егор стиснул крепче зубы и тоже сунул руки в карманы... И Губошлеп пропал.

...А стоял Егор на дороге и поджидал: не поедет ли автобус или какая-нибудь попутная машина -- до города.

Одна грузовая показалась вдали.

Работалось и не работалось Любе в тот день... Перемогалась душой. Призналась неожиданно подруге своей, когда отдоились, молоко увезли и они

выходили со скотного двора:

-- Гляди-ка, Верка, присохла ведь я к мужику-то. -- Сказала и сама подивилась. -- Ну, надо же! Болит и болит душа -- весь день.

-- Так а совсем уехал-то? Чего сказал-то?

-- Сам, говорит, не знаю.

-- Да пошли ты его к черту! Плюнь. Ка-кой! "Сам не знаю". У него жена где-нибудь есть. Что говорит-то?

-- Не знаю. Никого, говорит, нету.

-- Врет! Любка, не дури: прими опять Кольку, да живите. Все они пьют нынче! Кто не пьет-то? Мой вон позавчера пришел... Ну, паразит!.. -- И Верка, коротконогая живая бабочка, по секрету, негромко рассказала: -- Пришел, кэ-эк я его скалкой огрела! Даже сама напугалась. А утром встал -- голова, говорит, болит, ударился где-то. Я ему: пить надо меньше. -- И Верка мелко-мелко засмеялась.

-- И когда успела-то? -- удивилась опять Любка своим мыслям.

-- А? -- не поняла Верка.

-- Да когда, говорю, успела-то? Видела-то... всего сутки. Как же так? Неужели так бывает?

-- Он за что сидел-то?

-- За кражу... -- И Любка беспомощно посмотрела на подругу.  
-- Шило на мыло, -- сказала та. -- Пьяницу на вора... Ну и судьбина тебе выпала! Живи одна, Любка. Может, потом путный какой подвернется. А ну-ка да его опять воровать потянет? Что тогда?  
-- Что тогда? Посадют.  
-- Ну, язви тебя-то! Ты что, полоумная, что ли?  
-- А я сама не знаю, чего я. Как сдурела. Самой противно... Вот болит и болит душа, как, скажи, век я его знала. А знала -- сутки. Правда, он целый год письма слал...  
-- Да им там делать-то нечего, они и пишут.  
-- Но ты бы знала, какие письма!..  
-- Про любовь?  
-- Да нет... Все про жизнь. Он, правда, наверно, повидал много, черт стриженный. Так напишет -- прямо сердце заболит, читаешь. И я уж и не знаю:  
то ли я его люблю, то ли мне его жалко. А вот болит душа -- и все.

А Егор в это самое время делал свои дела в райгороде.  
Перво-наперво он шикарно оделся.  
Шел по улице небольшого деревянного городка, по деревянному тротуару,  
в новеньком костюме, при галстукe, в шляпе, руки в карманах.  
Зашел на почту. Написал на телеграфном бланке адрес, сумму прописью и несколько слов приветa. Подал бланк, облокотился возле окошечка и стал считать деньги.  
-- "Деньги передашь Губошлепу", -- прочитала девушка в окошечке. -- Губошлеп -- это фамилия, что ли?  
Егор секунду-две думал. И сказал:  
-- Совершенно верно, фамилия.  
-- А чего же вы пишете с маленькой буквы? Ну и фамилия!..  
-- Бывают похуже, -- сказал Егор. -- У нас в тресте один был -- Пистонов.  
Девушка подняла голову. Она была очень миленькая девушка, глазастенькая, с коротким тупым носиком.  
-- Ну и что?  
-- Ничего. Фамилия, мол, Пистонов. -- Егор был серьезен. Он помнил, что он в шляпе.  
-- Ну, и... нормальная фамилия.  
-- Вообще-то нормальная, -- согласился Егор. И вдруг забыл, что он в шляпе, улыбнулся. И обеспокоился. -- Скажите, пожалуйста, -- сунулся он в окошечко, -- вот я приехал с золотых приисков, а у меня совершенно тут никаких знакомых...  
-- Ну и что? -- не поняла девушка.

-- У вас есть молодой человек? -- прямо спросил Егор.

-- А вам что? -- Тупоносенькая вроде не очень удивилась, а даже оставила работу и смотрела на Егора.

-- Я в том смысле, что не могли бы мы вместе совершить какое-нибудь уникальное турне по городу?

-- Гражданин!.. -- строго повысила голос девушка. -- Вы не хамите тут! Вы деньги переводите? Вот и переводите.

Егор вылез из окошечка. Он обиделся. Зачем же надо было оставлять работу и смотреть ласково? Егор так только и понимал теперь: девушка, прежде чем зарычать, смотрела на него ласково. К чему, спрашивается, эти разные штучки-дрючки?

-- И сразу на арапа берут! -- негромко возмутился он. -- "Гражданин!.." Какой я вам гражданин? Я вам -- товарищ и даже друг и брат.

Девушка опять подняла на него большие серые глаза.

-- Работайте, работайте, -- сказал Егор. -- А то только глазками стрелять туда-сюда!

Девушка хмыкнула и склонилась к бланку.

-- Шляпу, главное, надел, -- не удержалась и сказала она, не глядя на Егора.

И квиточек отдала, тоже не глядя: положила на стойку и занялась другим делом. И попробуй отвлечи ее от этого дела.

-- Шалашовки, -- ругался Егор, выходя с почты. -- Вы у меня танец маленьких лебедей будете исполнять. Краковяк!.. -- Он зашагал к вокзальному ресторану. -- Польку-бабочку! -- Егор накалял себя. В глазах появился тот беспокойный блеск, который свидетельствовал, что душа его стронулась и больно толкается в груди. Он прибавил шаг. -- Нет, как вам это нравится! Марионетки. Красные шапочки... Я вам устрою тут фигурные катания! Я

наэлектризую здесь атмосферу и поселю бардак. -- Дальше он и вовсе бессмысленно бормотал, что влетит в голову: -- Тарьям-па-пам, та-рьям па-пам!.. Тарьям-папам-папам-папам...

В ресторане он заказал бутылку шампанского и подал юркому человеку, официанту, бумажку в двадцать пять рублей и сказал:

-- Спасибо. Сдачи не нужно.

Официант даже растерялся...

-- Очень благодарен, очень благодарен...

-- Ерунда, -- сказал Егор. И показал рукой, чтоб официант присел на минуточку. Официант присел на стул рядом. -- Я приехал с золотых приисков,

-- продолжал Егор, изучая податливого человечка, -- и хотел вас спросить: не могли бы мы здесь где-нибудь организовать маленький бардак?

Официант машинально оглянулся...

-- Ну, я грубо выразился... Я волнуюсь, потому что мне деньги жгут ляжку. -- Егор вынул из кармана довольно толстую пачку десятирублевых и двадцатипятирублевых. -- А? Их же надо пристроить. Как вас зовут, простите?

Официант при виде этой пачки очень обеспокоился, но изо всех сил старался хранить достоинство. Он знал: людям достойным платят больше.

-- Сергей Михайлович.

-- А? Михайлыч... Нужен праздник. Я долго был на Севере...

-- Я, кажется, придумал, -- сказал Михайлыч, изобразив сперва, что он внимательно подумал. -- Вы где остановились?

-- Нигде. Я только приехал.

-- По всей вероятности, можно будет сообразить... Что-нибудь, знаете, вроде такого пикничка -- в честь прибытия, так сказать.

-- Да, да, да, -- заволновался Егор. -- Такой небольшой бардак. Аккуратненький такой бардельеро... Забег в ширину. Да, Михайлыч? Вы мне что-то с первого взгляда понравились! Я подумал: вот с кем я взлохмачу мои деньги!

Михайлыч искренне посмеялся.

-- А? -- спросил Егор. -- Чего смеешься?

-- О'кей! -- весело сказал Михайлыч. -- Ми фас понъяль.

Поздно вечером Егор полулежал на плюшевом диване и разговаривал по телефону с Любой. В комнате был еще Михайлыч, и заходила и что-то тихонько

спрашивала Михайлыча востроносая женщина с бородавкой на виске.

-- Але-е! Любаша!.. -- кричал Егор. -- Я говорю: я в военкомате! Никак не могу на учет стать! Поздно?.. А здесь допоздна. Да, да. -- Егор кивнул Михайлычу. -- Да, Любаша!

Михайлыч приоткрыл дверь комнаты, громко хлопнул и громко пошел мимо

Егора. И когда был рядом, громко крикнул:

-- Товарищ капитан! Можно вас на минуточку?!

Егор кивнул ему головой, мол, хорошо, и продолжал разговаривать. А Михайлыч в это время беззвучно показушно хохотал.

-- Любаша, ну что же я могу сделать?! Придется даже ночевать, наверно. Да, да...

Егор долго слушал и "дакал". И улыбался, и смотрел на фальшивого Михайлыча счастливо и гордо. Даже прикрыл трубку ладошкой и сообщил: --

Беспокоюсь, говорит. И жду.

-- Жди-жди, дол... -- подхватил было угодливый Михайлыч, но Егор взглядом остановил его.

-- Да, Любушка!.. Говори, говори: мне нравится слушать твой голосок. Я даже волнуюсь!..

-- Ну, дает! -- прошептал в притворном восхищении Михайлыч. -- Волнуюсь, говорит!.. -- И опять засмеялся. Бессовестно он как-то смеялся: сипел, оскалив фиксатые зубы. Егор посулил хорошо заплатить за праздник,

поэтому он старался.

-- Ночую-то? А вот тут где-нибудь, на диванчике... Да ничего! Ничего, мне не привыкать. Ты за это не беспокойся! Да, дорогуша ты моя!..

Малышкина

ты моя милая!.. -- У Егора это рванулось так искренне, так душевно, что Михайлыч даже перестал изображать смех. -- До свидания, дорогая моя! До

свидания, целую тебя... Да я понимаю, понимаю. До свидания.

Егор положил трубку и некоторое время странно смотрел на Михайлыча

--

смотрел и не видел его. И в эту минуту как будто чья-то ласковая незримая ладонь гладила его по лицу, и лицо Егора потихоньку утрачивало обычную свою

жестокость, строптивость.

-- Да... -- сказал Егор, очнувшись. -- Ну что, трактирная душа? Займемся развратом? Как там?

-- Все готово.

-- Халат нашли?

-- Нашли какой-то... Пришлось к одному старому артисту поехать. Нет ни у кого!

-- А ну?

Егор надел длинный халат, стеганный, местами вытертый. Огляделся.

-- Больше нигде нету, -- оправдывался Михайлыч.

-- Хороший халат, -- похвалил Егор. -- Н-ну... как я велел?

Михайлыч вышел из комнаты.

Егор прилег с сигаретой на диван.

Михайлыч вошел и доложил:

-- Народ для разврата собрался!

-- Давай, -- кивнул Егор.

Михайлыч распахнул дверь... И Егор в халате, чуть склонив голову, стремительно, как Калигула, пошел развратничать.

"Развратничать" собрались диковинные люди: больше пожилые. Были и женщины, но какие-то все на редкость некрасивые, несчастные. Все сидели за

богато убранным столом и с недоумением смотрели на Егора. Егор заметно

оторопел, но вида не подал.

-- Чего взгрустнули?! -- весело и громко сказал Егор. И пошел во главу стола. Остановился и внимательно оглядел всех.

-- Да, -- не удержался он. -- Сегодня мы оторвем от хвоста грудинку. Ну!.. Налили.

-- Мил человек, -- обратился к нему один из гостей, пожилой, старик почти, -- ты объясни нам: чего это мы празднуем-то! Случай какой... или чего?

Егор некоторое время думал.

-- Мы собрались здесь, -- негромко, задумчиво, как на похоронах, начал Егор, глядя на бутылки шампанского, -- чтобы... -- Вдруг он поднял голову и еще раз оглядел всех. И лицо его опять разгладилось от жесткости и напряжения. -- Братья и сестры, -- проникновенно сказал он, -- у меня только что от нежности содрогнулась душа. Я понимаю, вам до фени мои

красивые слова, но дайте все же я их скажу. -- Егор говорил серьезно, напористо, даже торжественно. Он даже немного прошелся, сколь позволило

место, и опять оглядел всех. -- Весна... -- продолжал он. -- Скоро зацветут цветочки. Березы станут зеленые... -- Егор чего-то вовсе заволновался и замолчал. Он все еще слышал родной голос Любы, и это путало и сбивало.

-- Троица скоро, чего же, -- сказал кто-то за столом.

-- Можно идти и идти, -- продолжал Егор. -- Будет полянка, потом лесок, потом в ложок спустился -- там ручеек журчит... Я непонятно говорю?

Да потому что я, как фраер, говорю и стыжусь своих же слов! -- Егор всерьез на себя рассердился. И стал валить напропалую -- зло и громко, как если бы перед ним стояла толпа несогласных. -- Вот вы все меня приняли за дурака -- взял триста рублей и ни за что выбросил. Но если я сегодня люблю всех подряд! Я сегодня нежный, как самая последняя... как корова, когда она отелится. Пусть пикничка не вышло -- не надо! Даже лучше. Но поймите, что я

не глупый, не дурак. И если кто подумает, что мне можно наступить на мозоль,

потому что я нежный, -- я тем не менее не позволю. Люди!.. Давайте любить

друг друга! -- Егор почти закричал это. И сильно стукнул себя в грудь. -- Ну чего мы шуршим, как пауки в банке? Ведь вы же знаете, как легко помирают?! Я не понимаю вас... -- Егор прошелся по-за столом. -- Не понимаю!

Отказываюсь понимать! И себя тоже не понимаю, потому что каждую ночь вижу

во сне ларьки и чемоданы. Все! Идите, воруйте сами... Я сяду на пенек и буду сидеть тридцать лет и три года. Я шучу. Мне жалко вас. И себя тоже жалко.

Но

если меня кто-нибудь другой пожалеет или сдуру полюбит, я... не знаю, мне

будет тяжело и грустно. Мне хорошо, даже сердце болит -- но страшно. Мне страшно! Вот штука-то... -- неожиданно тихо и доверчиво закончил Егор. Помолчал, опустив голову, потом добро посмотрел на всех и велел: -- Взяли в

руки по бутылке шампанского... взяли, взяли! Взяли? Откручивайте, там проволочки такие есть, -- стреляйте!

Все задвигались, заговорили... Под шум и одобрение захлопали бутылки.

-- Наливайте быстрее, пока градус не вышел! -- распорядился Егор.

-- А-а, правда, -- выходит! Давай стакан!.. Подай-ка стакан, кум!

Скорей!

-- Эх, язви тебя!.. Пролил маленько.

-- Пролил?

-- Пролил. Жалко -- добро такое.

-- Да, штука веселая. Гли-ка, прямо кипит, кипит! Как набродило. Видно, долго выдерживают.

-- Да уж, конечно! Тут уж, конечно, стараются...

-- Ух, а шипит-то!

-- Милые мои! -- с искренней нежностью и жалостью сказал Егор. -- Я рад, что вы задвигались и заулыбались. Что одобряете мое шампанское. Я все

больше и больше люблю вас!

На Егора стеснялись открыто смотреть -- такую он порол чушь и бестолочь. Затихали, пока он говорил, смотрели на свои стаканы и фужеры.

-- Выпили! -- сказал Егор.

Выпили.

-- С ходу -- еще раз! Давай!

Опять задвигались и зашумели. Диковинный случился праздник -- дармовой.

-- Ух ты, все шипит и шипит!

-- Но счас уже поменьше. Уже сила ушла.

-- Но вкус какой-то... не пойму.

-- Да, какой-то неопределенный.

-- А?

-- На вид -- вроде конской мочи, а вкус какой-то... неясный.

-- А чего-то оно в горле останавливается... Ни у кого не останавливается?

-- Да, распирает как-то.

-- Ага! И в нос бьет! Пей -- хорошо!

-- А вот градус-то и распирает.

-- Да какой тут, к черту, градус -- квас. Это газ выходит, а не градус.

-- Так, оставили шампанское! -- велел Егор. -- Взяли в руки коньяк.

-- А мы куда торопимся-то?

-- Я хочу, чтобы мы песню спели.

-- Э-э, это мы сумеем!

-- Взяли коньяк!

Взяли коньяк. Тут уж -- что велят, то и делай.

-- Налили по полстакана. Коньяк помногу сразу не пьют. И если сейчас кто-нибудь заявит, что пахнет клопами, -- дам бутылкой по голове. Выпили! Выпили.

-- Песню! -- велел Егор.

-- Мы же не закусили еще...

-- Начинается... -- обиженно сказал Егор и сел. -- Ну, ешьте, ешьте, все наесться никак не могут. Все бы ели, ели!..

Некоторые -- совестливые -- отложили вилки, смотрели с недоумением на Егора.

-- Да ешьте, ешьте! Чего вы?..

-- Ты бы и сам поел тоже, а то захмелеешь.

-- Не захмелею. Ешьте.

-- Ну, язви тебя-то! -- громко возмутился один лысый мужик. -- Что же ты, пригласил, а теперь попрекаешь? Я, например, не могу без закуси, я моментально под стол полезу. Мне же неинтересно так. И никому неинтересно, я думаю.

-- Ну и ешьте!

А в это время в деревне мать с отцом допрашивали Любу. Ее, бедную, все допрашивали и допрашивали.

-- Ну а чего же, военкомат на ночь-то не запирается, что ли? -- хотела понять старуха.

Люба и сама терялась в догадках. И верилось ей, и не верилось с этим военкоматом. Но ведь она же сама говорила с Егором, сама слышала его голос,

и какие он слова говорил... Она и теперь еще все разговаривала с ним мысленно. "Ну, Егор, с тобой не соскучишься. Что же у тебя на уме, парень?"

-- Любк?

-- Ну?

-- Какой же военкомат? Все на ночь запирается, ты чо!

-- Нет, наверно, если он говорит, что ночует там...

-- Да он наговорит, только развесь уши.

-- Я думаю так, -- решил старик, -- ему сказали: явиться завтра к восьми часам. Точь-в-точь -- там люди военные. И он подумал, что лучше уж заночевать, чем утром опять переться туда.

-- Да он же и говорит! -- обрадовалась Люба, -- Ночую, говорит, здесь на диване...

-- Да все учреждения на ночь запираются! -- стояла на своем старуха.

-- Вы чо? Как это его там одного на ночь оставют? А он возьмет да печать украдет...

-- Ну, мама!..

И старик тоже скосоротился на такую глупость.

-- На кой она ему черт нужна, печать?

-- Да я к слову говорю! Сразу "мама"! Слова не дадут сказать.

Егор налаживал хор из "развратников".

-- Мы с тобой будем заводить, -- тормошил он лысого мужика, -- а вы, как я махну, будете петь "бом-бом". Пошли:

Вечерний зво-он,  
Вечерний зво-он...

Егор махнул, но группа "бом-бом" не поняла.

-- Ну, чего вы?! Я же сказал: как махну, так "бом-бом".

-- Дак ты махнул, а сам поешь...

-- Наступай! Я от того и завыл, что вроде слышу, как на колокольне бьют. Тоска меня берет по родине... И я запел потихоньку. А вы свое: "бом-м, бом-м". Вы и знать не знаете, как я здесь тоскую, -- это не ваше дело.

-- Вроде в тюрьме человек сидит -- тоскует, -- подсказал Михайлыч. -- Или в плену где-нибудь.

-- В плену какие церкви? -- возразили на это.

-- Как же? У них же там тоже церкви есть. Не такие, конечно, но все одно -- церква, с колоколом. Верно же, Георгий?

-- Да пошли вы!.. Только болтать умеете, -- вконец рассердился Егор.

-- Во-от начнут говорить! И говорят, и говорят... Чего вы так слова любите? Что за понос такой словесный?!

-- Ну, давай. Ты не расстраивайся.

-- Да как же не расстраиваться? Говоришь вам, а вы... Ну, пошли:

Вечерний зво-он,  
Вечерний зво-он...

-- Бо-м, бо-ом, бо-о-ом... -- вразнобой "забили на колокольне", все спутали и погубили.

Егор махнул рукой и ушел в другую комнату. На пороге остановился и сказал безнадежно:

-- Валяйте любую. Не обижайтесь, но я больше не могу с вами. Гуляйте. Можете свой родной "камыш" затянуть.

Группа "бом-бом", да все, кто тут был, растерянно помолчали... Но вина и всевозможной редкой закуски за столом было много, поэтому хоть и погоревали, но так, больше для очистки совести.

-- Чего он?

-- А вы уже тоже -- "бом-бом" не могли спеть! -- упрекнул всех Михайлыч. -- Чего там петь-то!

-- Да разнбой вышел...

-- Это Кирилл вон... Куда зачастил?

-- Кто зачастил? -- оскорбился Кирилл. -- Я пел нормально -- как вроде в колокол бьют. Я же понимаю, что там не надо частить. Колокол, его еще раскачать надо.

-- А кто зачастил?

-- Да ладно, чего теперь? Давайте, правда, -- он же велел гулять.

-- Оно, конечно, того... вроде не заслужили, но с другой стороны, а если я не пою? Какого я хрена буду рот разевать, если у меня сроду голоса не было?

Егор, недовольный, полулежал на диване, когда вошел Михайлыч.

-- Георгий, ты уж прости -- не вышло у нас... с колоколами-то.

Егор помолчал... И капризно спросил:

-- А почему они все такие некрасивые?

Михайлыч даже растерялся.

-- Дак это... Георгий, красивые-то все -- семейные, замужем. А я одиноких собрал, ты же сам велел.

Егор еще некоторое время сидел. И лицо его стало опять светлеть. Похоже, встрепенулась, вспомнилась в душе его какая-то радость.

-- Ты можешь такси вызвать?

-- Могу.

-- До Ясного. Я заплачу, сколько он хочет. Звони! -- Егор встал, сбросил халат, надел пиджак и поправил галстук.

-- А зачем в Ясное-то?

-- У меня там друг. -- И опять стал взволнованно ходить. -- Душа у меня... наскипидаренная какая-то, Михайлыч. Заведет она меня куда-нибудь.

Как волю почует, так места себе не могу найти. Звони, звони! Сколько ты собрал людей?

-- Пятнадцать. С нами -- семнадцать. А что?

-- Вот тебе две сотни. Всем дать по червонцу, себе остальные. Не обмани! Я заеду узнаю.

-- Да что ты, Георгий!..

И вот Георгий летел светлой лунной ночью по доброму большаку -- в село, к Любе.

"Ну, что это, что это? -- пытал себя Егор. -- Что это я?" Беспокойство и волнение овладели им. Он уже забыл, когда он так волновался из-за юбки.

-- Ну, как там... насчет семейной жизни? -- спросил он таксиста. -- Что пишут новенького?

-- Где пишут? -- не понял тот.

-- Да вообще -- в книгах...

-- В книгах-то понапишут, -- недовольно сказал таксист. -- В книгах все хорошо.

-- А в жизни?

-- А в жизни... Что, сам не знаешь, как в жизни?

-- Плохо, да?

-- Кому как.

-- Ну, тебе, например?

Таксист пожал плечами -- очень похоже, как тот парень который продал Егору магнитофон.

-- Да что вы все какие-то!.. Ну, братцы, не понимаю вас. Чего вы такие кислые-то все? -- изумился Егор.

-- А чего мне тут -- хихикать с тобой? Ублажать, что ли, тебя?

-- Да где уж ублажать! Ублажать -- это ты свою бабу ублажай. И то ведь -- суметь еще надо. А то полезешь к ней, а она скажет: "Отойди, от тебя козлом пахнет".

Таксист засмеялся.

-- Что, тебе говорили так?

-- Нет, я сам не люблю, когда козлом пахнет. Давай-ка маленько опустим стекло.

Таксист глянул на Егора, но смолчал.

А Егор опять вернулся к своим мыслям, которые он никак не мог собрать воедино, -- все в голове спуталось из-за этой Любы.

Подъехали к большому темному дому. Егор отпустил машину. И вдруг оробел. Стоял с бутылками коньяка у ворот и не знал, что делать. Обошел дом,

зашел в другие ворота -- в ограду Петра, поднялся на крыльцо, постучал ногой

в дверь. Долго было тихо, потом скрипнула избыная дверь, легко -- босиком -

прошли по сениям, и голос Петра спросил:

-- Кто там?

-- Я, Петро. Георгий, Жоржик...

Дверь открылась.

-- Ты чего? -- удивился Петро. -- Выгнали, что ли?

-- Да нет... Не хочу будить. Ты когда-нибудь "Рэми-Мартин" пил?

Петро долго молчал, всматривался в лицо Егора.

-- Чего?

-- "Рэми-Мартин". Двадцать рублей бутылка. Пойдем врежем в бане?

-- Пошто в бане-то?

-- Чтоб не мешать никому.

-- Да пойдем на кухне сядем...

-- Не надо! Не буди никого.

-- Ну, дай я хоть обуюсь... Да закусить вынесу чего-нибудь.

-- Не надо! У меня полные карманы шоколада, я весь уже провонял им, как студентка.

В бане, в тесном черном мире, лежало на полу -- от окошечка -- пятно света. И зажгли еще фонарь, сели к окошечку.

-- Чего домой-то не пошел? -- не понимал Петро.

-- Не знаю. Видишь, Петро... -- заговорил было Егор, но и замолк. Открыл бутылку, поставил на подоконник. -- Видишь -- коньяк. Двадцать рублей, гад! Это ж надо!

Петро достал из кармана старых галифе два стакана.

Помолчали.

-- Не знаю я, что говорить, Петро. Сам не все понимаю.

-- Ну, не говори. Наливай своего дорогого... Я в войну пил тоже какой-то. В Германии. Клопами пахнет.

-- Да не пахнет он клопами! -- воскликнул Егор. -- Это клопы коньяком пахнут. Откуда взяли, что он клопами-то пахнет?

-- Дорогой, может, и не пахнет. А такой... нормальный пахнет.

Ночь истекала. А луна все сияла. Вся деревня была залита бледным, зеленовато-мертвым светом. И тихо-тихо. Ни собака нигде не залает, ни ворота не скрипнут. Такая тишина в деревне бывает перед рассветом. Или в степи еще -- тоже перед рассветом, когда в низинках незримо скапливается туман и сырость. Зябко и тихо.

И вдруг в тишине этой из бани донеслось:

Сижу за решеткой

В темнице сырой... --

завел первым Егор. Петро поддержал. И так неожиданно красиво у них вышло, так -- до слез -- складно и грустно:

Вскормленный в неволе орел молодо-ой;  
Мой грустны-ый товарищ, махая крыло-ом,  
Кровавую пищу клюет под окном...

Рано утром Егор провожал Любу на ферму. Так -- увязался с ней и пошел. Был он опять в нарядном костюме, в шляпе и при галстукке. Но какой-то задумчивый. Люба очень радовалась, что он пошел с ней, -- у нее было светлое настроение. И утро было хорошее -- с прохладцей, ясное. Весна все-таки, как ни крутись.

-- Чего загрустил, Егорша? -- спросила Люба.

-- Так... -- неопределенно сказал Егор.

-- В баню зачем-то поперлись. -- Люба засмеялась. -- И не боятся ведь! Меня сроду туда ночью не загонишь. Егор удивился:

-- Чего?

-- Да там же черти! В бане-то... Они там и водятся.

Егор с изумлением и ласково посмотрел на Любу... И погладил ее по спине. У него это нечаянно вышло.

-- Правильно: никогда не ходи ночью в баню. А то эти черти... Я их

знаю!

-- Когда ты ночью на машине подъехал, я слышала. Я думала, это мой Коленька преподобный приехал...

-- Какой Коленька?

-- Да муж-то мой.

-- А-а. А он что, приезжает иногда?

-- Приезжает, как же.

-- Ну? А ты что?

-- Ухожу в горницу и запираюсь там. И сижу. Он трезвый-то ни разу и не приезжал, а я его пьяного прямо видеть не могу: он какой-то дурак вовсе делается. Противно, меня трести начинает.

Егор встрепенулся, заслышав живые, гневные слова. Не выносил он в людях унылость, вялость ползучую. Оттого, может, и завела его житейская дорога так

далеко вбок, что всегда, и смолodu, тянулся к людям, очерченным резко, хоть

иногда кривой линией, но резко, определенно.

-- Да-да-да, -- притворно посочувствовал Егор, -- прямо беда с этими алкашами!

-- Беда! -- подхватила простодушная Люба. -- Да беда-то какая. Горькая: слезы да ругань.

-- Прямо трагедия. О-е!.. -- удивился Егор. -- Коров-то сколько!

-- Ферма... Вот тут я и работаю.

Егор чего-то вдруг остолбенел при виде коров.

-- Вот они... коровы-то, -- повторял он. -- Вишь, тебя увидели, да? Заволновались. Ишь, смо-отрют... -- Егор помолчал... И вдруг, не желая этого, проговорился: -- Я из всего детства мать помню да корову. Манькой звали корову. Мы ее весной, в апреле, выпустили из ограды, чтобы она сама

пособирала на улице. Знаешь: зимой возют, а весной из-под снега вытаивает,

на дорогах, на плетнях остается... Вот... А ей кто-то брюхо вилами проколол. Зашла к кому-нибудь в ограду, у некоторых сено было еще... Прокололи.

Кишки

домой приволокла.

Люба смотрела на Егора, пораженная этим незамысловатым рассказом. А

Егор -- видно было -- жалел, что он у него вырвался, этот рассказ, был недоволен.

-- Чего смотришь?

-- Егорша...

-- Брось, -- сказал Егор. -- Это же слова. Слова ничего не стоят.

-- Ты что, выдумал, что ли?

-- Да почему!.. Но ты меньше слушай людей. То есть слушай, но слова

пропускай. А то ты доверчивая, как... -- Егор посмотрел на Любу и опять ласково и бережно и чуть стесняясь погладил ее по спине. -- Неужели тебя никогда не обманывали?

-- Нет... Кому?

-- М-гм... -- Егор засмотрелся в ясные глаза женщины, усмехнулся. -- Кошмар. -- Все время хотелось трогать ее. И смотреть.

-- Глянь-ка, директор совхоза идет, -- сказала Люба. -- У нас был. -- Она оживилась и заулыбалась, сама не зная чего.

К ним шел гладкий, крепкий, довольно молодой еще мужчина, наверно, таких же лет, как Егор. Шел он твердой хозяйской походяй, с любопытством

смотрел на Любу и на ее -- непонятно кого -- мужа, знакомого?

-- Чего ты так уж разулыбалась? -- неприятно поразился Егор.

-- Он хороший у нас. Хозяйственный. Мы его уважаем. Здравствуйте, Дмитрий Владимирович! Что, у нас были?

-- Был у вас. Здравствуйте! -- Директор крепко тряхнул руку Егора. -- Что, не пополнение ли к нам?

-- Дмитрий Владимирович, он -- шофер, -- не без гордости сказала Люба.

-- Да ну? Хорошо. Прямо сейчас могу за руль посадить? Права есть?

-- У него еще паспорта нету... -- Гордость Любина угасла.

-- А-а. А то поехали со мной. Моего зачем-то в военкомат вызывают. Боюсь, надолго.

-- Егор! -- заволновалась Люба. -- А? Район наш увидишь. Поглянется!

И это живое волнение, и слова эти нелепые -- про район -- подтолкнули Егора на то, над чем он пять минут назад искренне бы посмеялся.

-- Поехали, -- сказал он.

И они пошли с директором.

-- Егор! -- крикнула вслед Люба. -- Пообедаешь в чайной где-нибудь! Где будете... Дмитрий Владимирович, вы ему подскажите, а то он не знает еще!

Дмитрий Владимирович посмеялся.

Егор оглянулся на Любу и некоторое время смотрел на нее. Потом повернулся и пошел за директором. Тот подождал его.

-- Сам из каких мест? -- спросил директор.

-- Я-то? Я здешний. Из вашего района, деревня Листвянка.

-- Листвянка? У нас нет такой.

-- Как нет? Есть.

-- Да нету! Я-то знаю свой район.

-- Странно... Куда же она девалась? -- Егору не понравился директор: довольный, гладкий... Но особенно не по нутру, что довольный. Егор не переваривал довольных людей. -- Была деревня Листвянка, я хорошо помню.

Директор внимательно посмотрел на Егора.

-- М-да, -- сказал он. -- Наверно, сгорела.

-- Наверно, сгорела. Жалко -- хорошая была деревня.

-- Ну, так поедешь со мной?

-- Поеду. Мы же и собрались ехать. Правильно я вас понял?

И поехали они по просторам совхоза-гиганта, совхоза-миллионера.

-- Чего так со мной заговорил-то? -- спросил директор.

-- Как?

-- Ну... как: Ванькой сразу прикинулся. Зачем?

-- Да не люблю, когда с биографии сразу начинают. Биография -- это слова, ее всегда можно выдумать.

-- Ну-у, как же так? Как это можно биографию выдумать?

-- Как? Так... Документов у меня никаких нету, кроме одной справки, никто меня тут не знает -- чего хочу, то и наговорю. Если хотите знать, я сын прокурора.

Директор посмеялся. Егор ему тоже не понравился: какой-то бессмысленно строптивый.

-- А что? Вон я какой -- в шляпе, при галстукке... -- Егор посмотрел в зеркальце. -- Чем не прокурорский сын?

-- Я же не спрашиваю с тебя никаких документов. Без прав даже едем. Напоремся вот на участкового -- что делать?

-- Вы -- хозяин.

Подъехали к пасеке. Директор легко выпрыгнул из машины.

-- У меня тут дельце одно. А то, хошь, пойдем со мной -- старик медом угостит.

-- Нет, спасибо. -- Егор тоже вышел на волю. -- Я вот тут... пейзажем полюбуюсь.

-- Ну, смотри. -- И директор ушел.

А Егор стал любоваться пейзажем. Посмотрел вокруг. Подошел к березке, потрогал ее.

-- Что? Начинаешь слегка зеленеть? Скоро уж, скоро... Оденешься. Надоело голой-то стоять? Ишь ты какая... Скоро нарядная будешь.

Из избушки вышел дед-пасечник.

-- А что не зайдешь-то? -- крикнул Егору с крыльца. -- Иди чайку стакан выпей!

-- Спасибо, батя! Не хочу.

-- Ну, гляди. -- И дед ушел.

Вскоре вышел и директор. Дед провожал его.

-- Заезжайте почаще, -- приветливо говорил дед. -- Чай, по дороге. То и дело ездите туг.

-- Спасибо, отец, спасибо. Поехали.

Поехали.

-- Вот... -- сказал директор, устраивая какой-то сверточек между сиденьями. -- Есть вещество такое -- прополис, пчелиный клей, иначе.

-- Язву желудка лечит?

-- Да. Что, болел? -- повернулся директор.

-- Нет, слышал просто.

-- Да. Вот один человек заболел, надо помочь: хороший человек.

-- Говорят, здорово помогает.

-- Да, говорят, помогает.

Впереди показалась деревня.

-- Меня ссадишь у клуба, -- сказал директор, -- а сам съездишь в Сосновку -- здесь, семь километров: привезешь бригадира Савельева. Если нет

дома, спроси, где он, найди.

Егор кивнул.

Ссадил у клуба директора и уехал.

К клубу сходились мужики, женщины, парни, девушки. И люди пожилые тоже

подходили. Готовилось какое-то собрание. Директора окружили, он что-то говорил и был опять очень уверен и доволен.

Молодые люди отбились в сторонку, и там тоже шел оживленный разговор.

Часто смеялись.

Старики курили у штакетника.

На фасаде клуба висели большие плакаты. Все походило на праздник, к которому люди привыкли.

Клуб был новый, недавно выстроенный: возле фундамента еще лежала груды

кирпичей и стоял старый кузов самосвала с застывшим цементом.

Егор привез бригадира Савельева и пошел искать директора. Ему сказали, что директор уже в клубе, на сцене, за столом президиума.

Егор прошел через зал, где рассаживались рабочие совхоза, поднялся на сцену и подошел сзади к директору.

Директор разговаривал с каким-то широкоплечим человеком, тряс бумажкой. Егор тронул его за рукав.

-- Владимирыч...

-- А? А-а. Привез? Хорошо, иди.

-- Нет... -- Егор позвал директора в сторонку и, когда они отошли, где их не могли слышать, сказал: -- Вы сами умеее на машине?

-- Умею. А что такое?

-- Я больше не могу. Доехайте сами -- не могу больше. И ничего мне с собой не поделать, я знаю.

-- Да что такое? Заболел, что ли?

-- Не могу возить. Я согласен: я дурак, несознательный, отсталый... Зэк несчастный, но не могу. У меня такое ощущение, что я вроде все время вам улыбаюсь. Я лучше буду на самосвале. На тракторе! Ладно? Не обижайся. Ты

мужик хороший, но... Вот мне уже сейчас плохо -- я пойду.

И Егор быстро пошел вон со сцены. И пока шел через зал, терзался, что наговорил директору много слов. Тараторил, как... Извинялся, что ли? А что

извиняться-то? Не могу -- и все. Нет, пошел объяснять, пошел выкладываться, несознательность свою паять... Тьфу! Горько было Егору. Так помаленьку и угодником станешь. Пойдешь в глаза заглядывать... Тьфу! Нет, очень это горько.

А директор, пока Егор шел через зал, смотрел вслед ему -- он не все понял, то есть он ничего не понял.

Егор шел обратно перелеском.

Вышел на полянку, прошел полянку -- опять начался лесок, погуще, покрепче.

Потом он спустился в ложок -- там ручеек журчит. Егор остановился над ним.

-- Ну надо же! -- сказал он.

Постоял-постоял, перепрыгнул ручеек, взошел на пригорок...

А там открылась глазам березовая рощица, целая большая семья выбежала

навстречу и остановилась.

-- Ух ты!.. -- сказал Егор.

И вошел в рощицу.

Походил среди березок... Снял с себя галстук, надел одной -- особенно красивой, особенно белой и стройной. Потом увидел рядом высокий пенек, надел

на него свою шляпу. Отошел и полюбовался со стороны.

-- Ка-кие -- фраера! -- сказал он. И пошел дальше. И долго еще оглядывался на эту нарядную парочку. И улыбался. На душе сделалось легче.

Дома Егор ходил из угла в угол, что-то обдумывая. Курил. Время от времени принимался вдруг напевать: "Зачем вы, девушки, красивых любите?"

Бросал петь, останавливался, некоторое время смотрел в окно или в стенку... И снова ходил. Им опять овладело какое-то нетерпение. Как будто он на что-то

такое решался и никак не мог решиться. И опять решался. И опять не мог... Он нервничал.

-- Не переживай, Егор, -- сказал дед. Он тоже похаживал по комнате -- к двери и обратно, сучил из суровых ниток леску на перемет, которая была привязана к дверной скобке, и дед обшаркивал ее старой рукавицей. -- Трактористом не хуже. Даже ишо лучше. Они вон по сколь счас выгоняют!

-- Да я не переживаю.

-- Сплету вот переметы... Вода маленько посветлеет, пойдем с тобой переметы ставить -- милое дело. Люблю.

-- Да... Я тоже. Прямо обожаю переметы ставить.

-- И я. Другие есть -- больше предпочитают сеть. Но сеть -- это... поймать могут, раз; второе: ты с ей намучаешься, с окаянной, пока ее

разберешь да выкидаешь -- время-то сколько надо!

-- Да... Попробуй покидай ее. "Зачем вы, девушки..." А Люба скоро придет?

Дед глянул на часы.

-- Скоро должна придти. Счас уж сдают молоко. Счас сдадут -- и придет. Ты ее, Егор, не обижай: она у нас -- последыш, а последышка жальче

всех. Вот пойдут детишки у самого -- спомнишь мои слова. Она хорошая девка,

добрая, только все как-то не везет ей... Этого пьянчужку нанесло -- насилу отбрыкались.

-- Да, да... С этими алкашами беда прямо! Я вот тоже... это смотрю -- прямо всех пересажал бы чертей. В тюрьму! По пять лет каждому. А?

-- Ну, в тюрьму зачем? Но на годок куда-нибудь, -- оживился дед, -- под строгой изолятор -- я бы их столкал! Всех, в кучу!

-- А Петро скоро приедет?

-- Петро-то? Счас тоже должен приехать... Пущай посидят и подумают.

-- Сидеть -- это каждый согласится. Нет, пусть поработают! -- подбросил жару Егор.

-- Да, правильно: лес вон валить!

-- В шахты! В лес -- это... на чистом-то воздухе дурак согласится работать. Нет, в шахты! В рудники! В скважины!

Тут вошла Люба.

-- Вот те раз! -- удивилась она. -- Я думала, они только ночью приедут, а он уж дома.

-- Он не стал возить директора, -- сказал дед. -- Ты его не ругай -- он объяснил почему: его тошнит на легковухе.

-- Пойдем-ка на пару слов, Люба, -- позвал Егор. И увел ее в горницу. На что-то он, похоже, решился.

В это время въехал в ограду Петро на своем самосвале, и Егор пошел к нему. Он так и не успел сказать Любе, что его растревожило.

Люба видела, как они о чем-то довольно долго говорили с Петром, потом Егор махнул ей рукой, и она скоро пошла к нему. Егор полез в кабину самосвала, за руль.

-- Далеко ли? -- спросил дед, который тоже видел из окна, что Петро дал машину, а Егор и Люба собрались куда-то ехать.

-- Да я сама толком не знаю... Егору куда-то надо, -- успела сказать Люба на ходу.

-- Любка!.. -- хотел что-то еще сказать дед, но Люба хлопнула уже дверью.

-- Чего он такое затеял, этот Жоржик? -- вслух подумал дед. -- Это что за жизнь такая чертова пошла -- вот и опасайся ходи, вот и узнавай бегай...

И он скоренько тоже пошел на половину сына -- спросить, куда это Егор повез дочь, вообще, куда они поехали?

-- Есть деревня Сосновка, -- объяснял Егор Любе в машине, когда уже ехали, -- девятнадцать километров отсюда...

-- Знаю Сосновку.

-- Там живет старушка по кличке Куделиха. Она живет с дочерью, но дочь лежит в больнице.

-- Где это ты узнал-то все?

-- Ну, узнал... я был сегодня в Сосновке. Дело не в этом. Меня один товарищ просил попроведать эту старуху, про детей ее расспросить -- где они, живы ли?

-- А зачем ему -- товарищу-то?

-- Ну... Родня она ему какая-то, тетка, что ли. Но мы сделаем так: подъедем, ты зайдешь... Нет, зайдем вместе, но расспрашивать будешь ты.

-- Почему?

-- Ты дай объяснить-то, потом уж спрашивай! -- повысил голос Егор. Нет, он, конечно, нервничал.

-- Ну-ну! Ты только на меня не кричи, Егор, ладно? Больше не спрашиваю. Ну?

-- Потому что, если она увидит, что расспрашивает мужик, то она догадается, что, значит, он сидел с ее сы... это, с племянником. Ну, и сама кинется выпрашивать. А товарищ мне наказал, чтоб я не говорил, что он в тюрьме... Фу-у! Дошел. Язык сломать можно. Поняла хоть?

-- Поняла. А под каким предлогом я ее расспрашивать-то возьмусь?

-- Надо что-то выдумать. Например, ты из сельсовета... Нет, не из сельсовета, а из рай... этого, как его, пенсии-то намеряют?

-- Райсобес?

-- Райсобес, да. Из райсобеса, мол, проверяют условия жизни престарелых людей. Расспроси, где дети, пишут ли? Поняла?

-- Поняла. Все сделаю, как надо.

-- Не говори "гоп"...

-- Вот увидишь.

Дальше Егор замолчал. Был он непривычно серьезен и сосредоточен. Через

силу улыбнулся и сказал:

-- Не обижайся, Люба, я помолчу. Ладно?

Люба тронула ладонью его руку.

-- Молчи, молчи. Делай как знаешь, не спрашиваю.

-- А что закричал... прости, -- еще сказал Егор. -- Я сам не люблю, когда кричат.

Егор добро разогнал самосвал. Дорога шла обочиной леса, под колеса попадали оголенные корни, кочки, самосвал прыгал. Люба, когда ее подкидывало, хваталась за ручку дверцы. Егор смотрел вперед -- рот плотно сжат, глаза чуть прищурены.

Просторная изба. Русская печь, лавки, сосновый пол, мытый, скобленный и снова мытый. Простой стол с крашеной столешницей. В красном углу -- Николай-угодник.

Старушка Куделиха долго подслеповато присматривалась к Любе, к Егору...

Егор был в темных очках.

-- Чего же, сынок, глаза-то прикрыл? -- спросила она. -- Рази через их видать?

Егор на это неопределенно пожал плечами. Ничего не сказал.

-- Вот мне велели, бабушка, разузнать все, -- сказала Люба.

Куделиха села на лавочку, сложила сухие коричневые руки на переднике.

-- Дак а чего узнавать-то? Мне плотют двадцать рублей... -- Она снизу, просто посмотрела на Любу. -- Чего же еще?

-- А дети где ваши? У вас сколько было?

-- Шестеро, милая, шестеро. Одна вот теперь со мной живет, Нюра, а трое в городах... Коля в Новосибирске на паровозе работает, Миша тоже там же, он дома строит, а Вера на Дальнем Востоке, замуж там вышла, военный муж-то.

Фотокарточку недавно прислали -- всей семьей, внучатки уж большенькие, двое: мальчик и девочка.

Старуха замолчала, отерла рот краешком передника, покивала маленькой птичьей головой, вздохнула. Она тоже умела уходить в мыслях далеко -- и ушла, перестала замечать гостей. Потом очнулась, посмотрела на Любу, сказала

-- так, чтоб не молчать, а то неловко молчать, о ней же и заботятся:

-- Вот... Живут. -- И опять замолчала.

Егор сидел на стуле у порога. Он как-то окаменел на этом стуле, ни разу не шевельнулся, пока старуха говорила, смотрел на нее.

-- А еще двое? -- спросила Люба.

-- А вот их-то... я и не знаю: живые они, сердешные душеньки, или нету их давно.

Старушка опять закивала сухой головой, хотела, видно, скрепиться и не заплакать, но слезы закапали ей на руки, и она поспешно вытерла глаза фартуком.

-- Не знаю. В голод разошлись по миру... Теперь не знаю. Два сына ишо, два братца... Про этих не знаю.

Зависла в избе тяжелая тишина... Люба не могла придумать, что еще спрашивать, -- ей было жалко бабушку. Она глянула на Егора... Тот сидел изваянием и все смотрел на Куделиху. И лицо его под очками тоже как-то вполне окаменело. Любе и вовсе не по себе стало.

-- Ладно, бабушка... -- Она вдруг забылась, что она из "райсобеса", подошла к старушке, села рядом, умело как-то -- естественно, просто --

обняла ее и приголубила. -- Погоди-ка, милая, погоди -- не плачь, не надо: глядишь, еще и найдутся. Надо же и поискать!

Старушка послушно вытерла слезы, еще покивала головой.

-- Может, найдутся... Спасибо тебе. Сама-то не из крестьян? Простецкая-то.

-- Из крестьян, откуда же. Поискать надо сынов-то...

Егор встал и вышел из избы.

Медленно прошел по сеним. Остановился около уличной двери, погладил косяк -- гладкий, холодный. И прислонился лбом к этому косяку, и замер. Долго стоял так, сжимая рукой косяк, так что рука побелела. Господи, хоть бы

еще уметь плакать в этой жизни -- все немного легче было бы. Но ни слезинки

же ни разу не выкатилось из его глаз, только каменели скулы и пальцы до отека сжимали что-нибудь, что оказывалось под рукой. И ничего больше, что

помогло бы в тяжкую минуту: ни табак, ни водка -- ничто, все противно. Откровенно болела душа, мучительно ныла, точно жгли ее там медленным огнем.

И еще только твердил в уме, как молитву: "Ну, будет уж! Будет!"

Егор слышал в избе шаги Любы, откачнулся от косяка, спустился с низкого крылечка. Скорым шагом пошел по ограде, оглядываясь на избу. Был он

опять сосредоточен, задумчив. Походил вокруг машины, попинал баллоны...

Снял очки, стал смотреть на избу.

Вышла Люба.

-- Господи, до чего же жалко ее стало! -- сказала она. -- Прямо сердце заломило.

-- Поехали, -- велел Егор.

Развернулись... Егор последний раз глянул на избу и погнал машину.

Молчали. Люба думала о старухе, тоже взгрустнула.

Выехали за деревню.

Егор остановил машину, лег головой на руль и крепко зажмурил глаза.

-- Чего, Егор? -- испугалась Люба.

-- Погоди... постоим... -- осевшим голосом сказал Егор. -- Тоже, знаешь... сердце заломило. Мать это, Люба. Моя мать.

Люба тихо ахнула:

-- Да что же ты, Егор? Как же ты?..

-- Не время, -- почти зло сказал Егор. -- Дай время... Скоро уж. Скоро.

-- Да какое время, ты что! Развернемся!

-- Рано! -- крикнул Егор. -- Дай хоть волосы отрастут... Хоть на человека похожим стану. -- Егор включил скорость. -- Я перевел ей деньги, -- еще сказал он, -- но боюсь, как бы она с ними в сельсовет не поперлась --

от кого, спросит. Еще не возьмет. Прошу тебя, съезди завтра к ней опять и... скажи что-нибудь. Придумай что-нибудь. Мне пока... Не могу пока -- сердце лопнет. Не могу. Понимаешь?

-- Останови-ка, -- велела Люба.

-- Зачем?

-- Останови.

Егор остановил.

Люба обняла его, как обняла давеча старуху, -- ласково, умело, -- прижала к груди его голову.

-- Господи!.. Да почему вы такие есть-то? Чего вы такие дорогие-то?..

-- Она заплакала. -- Что мне с вами делать-то?

Егор освободился из ее объятий, крикнул несколько раз, чтобы прошел комок в горле, включил скорость и с веселым остервенением сказал:

-- Ничего, Любаша!.. Все будет в порядке! Голову свою покладу, но вы у меня будете жить хорошо. Я зря не говорю.

Дома их в ограде встретил Петро.

-- Волнуется, видно. За машину-то, -- догадалась Люба.

-- Да ну, что я? Я же сказал...

Люба с Егором вылезли из кабины, и Петро подошел к ним.

-- Там этот пришел... твой, -- сказал он по своей привычке как бы нехотя, через усилие.

-- Колька? -- неприятно удивилась Люба. -- Вот гад-то! Что ему надо-то? Замучил, замучил, слюняй!..

-- Ну, я пойду познакомлюсь, -- сказал Егор. И глянул на Петра. Петро чуть заметно кивнул головой.

-- Егор!.. -- всполошилась Люба. -- Он же пьяный небось -- драться кинется. Не ходи, Егор! -- И Люба сделала было движение за Егором, но Петро придержал ее.

-- Не бойся, -- сказал он. -- Егор...

Егор обернулся.

-- Там еще трое дожидаются -- за плетнем. Знай.

Егор кивнул и пошел в дом.

Люба теперь уже силой хотела вырваться, но брат держал крепко.

-- Да они же избьют его! -- чуть не плакала Люба. -- Ты что? Ну, Петро!..

-- Кого избьют? -- спокойно басил Петро. -- Жоржика? Его избить трудно. Пускай поговорят... И больше твой Коля не будет ходить сюда. Пусть поймет раз и навсегда.

-- А-а, -- сказал Коля, растянув в насильственной улыбке рот. -- Новый хозяин пришел. -- Он встал с лавки. -- А я -- старый. -- Он пошел на Егора. -- Надо бы потолковать... -- Он остановился перед Егором. -- Мм?

Коля был не столько пьян, сколько с перепоя. Высокий парень, довольно приятной наружности, с голубыми умными глазами.

Старики со страхом смотрели на "хозяев" -- старого и нового.

Егор решил не тянуть, сразу лапнул Колю за шкурку и поволок из избы...

Вывел с трудом на крыльцо и подтолкнул вниз.

Коля упал. Он не ждал, что они так сразу и начнут.

-- Если ты, падали кусок, будешь еще... Ты был здесь последний раз, -- сказал Егор сверху. И стал спускаться.

Коля вскочил с земли... И засуетился.

-- Пойдем отсюда! Иди за мной... Идем, идем. Ну, собака!.. Иди, иди-и!..

Они шли уже из ограды. Егор шел впереди, а Коля сзади. Коля очень суетился, разок даже подтолкнул Егора в спину. Егор оглянулся и укоризненно качнул головой.

-- Иди, иди-и, -- с дрожью в голосе повторял Коля.

Поднялись навстречу те трое, о которых говорил Петро.

-- Только не здесь, -- решительно сказал Егор. -- Пошли дальше!

Пошли дальше. Егор опять очутился впереди всех.

-- Слушайте, -- остановился он, -- идите рядом, а то как на расстрел ведут. Люди же смотрят.

-- Иди, иди-и, -- опять сказал Коля. Он едва сдерживал себя.

Еще прошли немного.

Под высоким плетнем, где их меньше было видно с улицы, Коля не выдержал

и прыгнул сзади на Егора. Егор качнулся вбок и подставил Коле ногу. Коля опять позорно упал. Но еще один кинулся, этого Егор ударил наотмашь -- кулаком в живот. И этот сел. Двое стоявших оторопели от такого оборота дела. Зато Коля вскочил и побежал к плетню выламывать кол.

-- Ну, собака!.. -- задыхался Коля от злости. Выломил кол и страшно ринулся на Егора.

Сколько уж раз на деле убеждался Егор, что все же человек никогда до конца не забывается -- всегда, даже в страшно короткое время, успеет подумать: что будет? И если убивают, то хотели убить. Нечаянно убивают редко.

Егор стоял, сунув руки в карманы брюк, смотрел на Колю. Коля наткнулся на его спокойный -- как-то по-особому спокойный, зловеще спокойный -- взгляд.

-- Не успеешь махнуть, -- сказал Егор. Помолчал и добавил участливо: -- Коля.

-- А чего ты тут угрожаешь-то?! Чего ты угрожаешь-то?! -- попытался еще надавить Коля. -- С ножом, что ли? Ну, вынимай свой нож, вынимай!

-- Пить надо меньше, дурачок, -- участливо сказал Егор. -- Кол-то выломил, а у самого руки трясутся. Больше в этот дом не ходи.

Егор повернулся и пошел обратно. Слышал, как сзади кто-то двинулся было

за ним, -- наверно Коля, -- но его остановили:

-- Да брось ты его! Дерьма-то еще. Фраер городской. Мы его где-нибудь в другом месте прищучим.

Егор не остановился, не оглянулся.

Первую борозду в своей жизни проложил Егор.

Остановил трактор, прыгнул на землю, прошелся по широкой борозде, сам

себе удивляясь: неужели это его работа. Пнул сапогом ком земли, хмыкнул:

-- Ну и ну... Жоржик. Это ж надо! Ты же так ударником будешь!

Он оглянулся по степи, вдохнул весенний земляной дух и на минуту прикрыл глаза. Постоял так.

Парнишкой он любил слушать, как гудят телеграфные столбы.

Прижмется

ухом к столбу, закроет глаза и слушает... Волнующее чувство. Егор всегда это

чувство помнил: как будто это нездешний какой-то гул, не на земле гудит, а черт знает где. Если покрепче зажмуриться и целиком вникнуть в этот мощный

утробный звук, то он перейдет в тебя -- где-то загудит внутри, в голове, что ли, или в груди -- не поймешь. Жутко бывало, но интересно. Странно, ведь вот

была же длинная, вон какая разная жизнь, а хорошо помнилось только вот это

немногое: корова Манька, да как с матерью носили на себе березки, чтобы истопить печь. Эти-то дорогие воспоминания и жили в нем, и, когда бывало

вовсе тяжело, он вспоминал далекую свою деревеньку, березовый лес на берегу

реки, саму реку... Легче не становилось, только глубоко жаль было всего этого и грустно, и по-иному щемило сердце -- и дорого, и больно. И теперь, когда от пашни веяло таким покоем, когда голову грело солнышко и можно

остановить свой постоянный бег по земле, Егор не понимал, как это будет -- что он остановится, обретет покой. Разве это можно? Жило в душе предчувствие, что это будет, наверно, короткая пора.

Егор еще раз оглядел степь. Вот этого и будет жаль. "Да что же я за урод такой! -- невольно подумал он. -- Что я жить-то не умею? К чертям собачьим! Надо жить. Хорошо же? Хорошо. Ну и радуйся". Егор глубоко

вздохнул.

-- Сто сорок лет можно жить... с таким воздухом, -- сказал он. И теперь только увидел на краю поля березовый колок и пошел к нему.

-- Ох, вы мои хорошие!.. И стоят себе: прижухлись с краешку и стоят. Ну, что дождались? Зазеленели... -- Он ласково потрогал березку. -- Ох, ох нарядились-то! Ах, невестушки вы мои, нарядились. И молчат стоят. Хоть бы

крикнули, позвали -- нет, нарядились и стоят. Ну, уж вижу теперь, вижу -- красивые. Ну, ладно, мне пахать надо. Я тут рядом буду, буду заходить теперь. -- Егор отошел немного от березок, оглянулся и засмеялся: -- Ка-кие стоят! -- И пошел к трактору.

Шел и еще говорил по своей привычке:

-- А то прстоишь с вами и ударником труда не станешь. Вот так вот... Вам-то что, вам все равно, а мне надо в ударники выходить. Вот так. -- И запел Егор:

Калина красная,  
Калина вызрела,  
Я узалеточки-и  
Характер вызнала-а,  
Характер вызнала-а,  
Характер ой како-ой...

Так с песней он залез в кабину и двинул всю железную громадину вперед. И продолжал петь, но уже песни не было слышно из-за грохота и лязга.

Вечером ужинали все вместе: старики, Люба и Егор.

В репродукторе пели хорошие песни, слушали эти песни.

Вдруг дверь отворилась, и появился неожиданный гость: высокий молодой парень, тот самый, который заполошничал тогда вечером при облаве.

Егор даже слегка растерялся.

-- О-о! -- сказал он. -- Вот так гость! Садись, Вася!

-- Шура, -- поправил гость, улыбнувшись.

-- Да, Шура! Все забываю. Все путаю с тем Васей, помнишь? Вася-то был большой такой, старшиной-то работал... -- Егор тараторил, а сам, похоже, приходил пока в себя -- гость был и вправду неожиданный. -- Мы с Шурой служили вместе, -- пояснил он. -- У одного генерала. Садись, Шура, ужинать с нами.

-- Садитесь, садитесь, -- пригласила и старуха. А старик даже и подвинулся на лавке -- место дал:

-- Давайте.

-- Да нет, меня такси ждет. Мне надо сказать тебе, Георгий, кое-что. Да передать тут...

-- Да ты садись поужинай! -- упорствовал Егор. -- Подождет таксист.

-- Да нет... -- Шура глянул на часы. -- Мне еще на поезд успеть...

Егор полез из-за стола. И все тараторил, не давая времени Шуре как-нибудь нежелательно вылететь с языком. Сам Егор, бунтовавший против слов

пустых и ничтожных, умел иногда так много трещать и тараторить, что вконец

запутывал других. Бывало это и от растерянности.

-- Ну как, знакомых встречаешь кого-нибудь? Эх, золотые были денечки!.. Мне эта служба до сих пор во сне снится. Ну, пойдем -- чего там тебе передать надо: в машине, что ли, лежит? Пойдем, примем пакет от генерала. Расписаться ж надо, да? Ты сюда рейсовым? Или на перекладных?

Пойдем...

Они вышли.

Старик помолчал... И в его безгрешную крестьянскую голову пришла только такая мысль:

-- Это ж сколько они на такси-то прокатывают -- от города и обратно? Сколько с километра берут?

-- Не знаю, -- рассеянно сказала Люба. -- Десять копеек.

Она в этом госте почуяла что-то недоброе.

-- Десять копеек? Десять копеек -- на тридцать шесть верст... Сколько это?

-- Ну, тридцать шесть копеек и будет, -- сказала старуха.

-- Здорово живешь! -- воскликнул старик. -- Десять верст -- это уже руль. А тридцать шесть -- это... три шестьдесят, вот сколь. Три шестьдесят да три шестьдесят -- семь двадцать. Семь двадцать -- только туда-сюда съездить. А я, бывало, за семь двадцать-то месяц работал.

Люба не выдержала, тоже вылезла из-за стола.

-- Чего они там? -- сказала она и пошла из избы.

...Вышла в сени, а сеничная дверь на улицу -- открыта. И она услышала голос Егора и этого Шуры. И замерла.

-- Так передай. Понял? -- жестко, зло говорил Егор. -- Запомни и передай.

-- Я передам. Но ты же знаешь его...

-- Я знаю. Он меня тоже знает. Деньга он получил?

-- Получил.

-- Все. Я вам больше не должен. Будете искать, я на вас всю деревню подниму. -- Егор коротко посмеялся. -- Не советую.

-- Горе... Ты не злишь только, я сделаю, как мне велено: если, мол, у него денег нет, дай ему. На.

И Шура, наверно, протянул Егору заготовленные деньги. Егор, наверно, взял их и с силой ударил ими по лицу Шуру -- раз, и другой, и третий. И говорил негромко, сквозь зубы:

-- Сучок... Сопляк... Догадался, сучок!..

Люба грохнула чем-то в сених. Шагнула на крыльцо.

Шура стоял руки по швам, бледный...

Егор протянул ему деньги, сказал негромко, чуть хриплым голосом:

-- На. До свидания, Шура. Передавай привет! Все запомнил, что я сказал?

-- Запомнил, -- сказал Шура. Посмотрел на Егора последним -- злым и обещающим -- взглядом. И пошел к машине.

-- Ну, вот. -- Егор сел на приступку. Проследил, как машина развернулась... Проводил ее глазами и оглянулся на Любу.

Люба стояла над ним.

-- Егор... -- начала она было.

-- Не надо, -- сказал Егор. -- Это мои старые дела. Долги, так сказать. Больше они сюда не приедут.

-- Егор, я боюсь, -- призналась Люба.

-- Чего? -- удивился Егор.

-- Я слышала, у вас... когда уходят от них, то...

-- Брось! -- резко сказал Егор. И еще раз сказал: -- Брось. Садись. И никогда больше не говори об этом. Садись... -- Егор потянул ее за руку вниз. -- Что ты стоишь за спиной, как... Это нехорошо -- за спиной стоять, невежливо.

Люба села.

-- Ну? -- спросил весело Егор. -- Что закручинилась, зоренька ясная? Давай-ка споем лучше!

-- Господи, до песен мне...

Егор не слушал ее.

-- Давай я научу тебя... Хорошая есть одна песня. -- И Егор запел:

Калина красная-а-а,

Калина вызрела-а...

-- Да я ее знаю! -- сказала Люба.

-- Ну? Ну-ка, поддержи. Давай:

Калина...

-- Егор, -- взмолилась Люба, -- Христом Богом прошу, скажи, они ничего с тобой не сделают?

Егор стиснул зубы и молчал.

-- Не злись, Егорушка. Ну что ты? -- И Люба заплакала. -- Как же ты меня-то не можешь понять: ждала я, ждала свое счастье, а возьмут да... Да что уж я -- проклятая, что ли? Мне и порадоваться в жизни нельзя?!

Егор обнял Любу и ладошкой вытер ей слезы.

-- Веришь ты мне?

-- Веришь, веришь... А сам не хочет говорить. Скажи, Егор, я не испугаюсь. Может, мы уедем куда-нибудь...

-- О-о!.. -- взвыл Егор. -- Станешь тут ударником! Нет, я так никогда ударником не стану, честное слово. Люба, я не могу, когда плачут. Не могу! Ну, сжался ты надо мной, Любушка.

-- Ну, ладно, ладно. Все будет хорошо?

-- Все будет хорошо, -- четко, раздельно сказал Егор. -- Клянусь, чем

хочешь... всем дорогим. Давай песню. -- И он запел первый:

Калина красная-а-а,  
Калина вызрела-а...

Люба поддержала, да так тоже хорошо подладилась, так славно. На минуту забылась, успокоилась.

Я у залеточки  
Характер вызнала,  
Характер вызнала-а,  
Характер -- ой какой,  
Я не уважила,  
А он ушел к другой.

Из-за плетня на них насмешливо смотрел Петро.

-- Спишите слова, -- сказал он.

-- Ну, Петро, -- обиделась Люба. -- Взял спугнул песню.

-- Кто это приезжал, Егор?

-- Дружок один. Баню будем топить? -- спросил Егор.

-- А как же? Иди-ка сюда, что скажу...

Егор подошел к плетню. Петро склонился к его уху и что-то тихо заговорил.

-- Петро! -- сказала Люба. -- Я ведь знаю, что ты там, знаю. После бани!

-- Я жиклер его прошу посмотреть, -- сказал Петро.

-- Я только жиклер гляну... -- сказал Егор. -- Там, наверно, продуть надо.

-- Я вам дам жиклер! После бани, сказала, -- сурово молвила напоследок Люба. И ушла в дом. Она вроде и успокоилась, но все же тревога вкралась в душу. А тревога та -- стойкая, любящие женщины знают это.

Егор полез через плетень к Петру.

-- Бренди -- это дерьмо, -- сказал он. -- Я предпочитаю или шампанзе, или "Рэми-Мартин".

-- Да ты опробуй!

-- А то я не пробовал! Еще меня устраивает, например, виски с содовой...

Так, разговаривая, они направились к бане.

Теперь то самое поле, которое Егор пахал, засевали. Егор же и сеял. То есть он вел трактор, а на сеялке -- сзади, где стоят и следят, чтоб зерно равномерно сыпалось, -- стояла молодая женщина с лопаточкой.

Подъехал Петро на своем самосвале с нашитыми бортами -- привез зерно. Засыпали вместе в сеялку. Малость поговорили с Егором:

-- Обедать здесь будешь или домой? -- спросил Петро.

-- Здесь.

-- А то отвезу, мне все равно ехать.

-- Да нет, у меня с собой все... А тебе чего ехать?

-- Да что-то стрелять начала. Правда, наверное, жиклер.

Они посмеялись, имея в виду тот "жиклер", который они вместе "продували" прошлый раз в бане.

-- У меня дома есть один, все берег его.

-- Может, посмотреть -- чего стреляет-то?

-- Ну, время еще терять. Жиклер, точно. Я с ним давно мучаюсь, все жалко было выбрасывать. Но теперь уж сменю.

-- Ну гляди. -- И Егор полез опять в кабину. Петро поехал развозить зерно к другим сеялкам.

И трактор тоже взревел и двинулся дальше.

...Егор отвлекся от приборов на щите, глянул вперед, а впереди, как раз у того березового колка, что с края пашни, стоит "Волга" и трое каких-то людей. Егор всмотрелся... и узнал людей. Люди эти были -- Губошлеп, Бульдя,

еще какой-то высокий. А в машине -- Люсьен. Люсьен сидела на переднем

сиденье, дверца была открыта, и, хоть лица не было видно, Егор узнал ее по юбке и по ногам. Мужчины стояли возле машины и поджидали трактор.

Ничто не изменилось в мире. Горел над пашней ясный день, рощица на краю

пашни стояла вся зеленая, умытая вчерашним дождем... Густо пахло землей,

так густо, тяжело пахло сырой землей, что голова легонько кружилась.

Земля

собрала всю свою весеннюю силу, все соки живые -- готовилась опять породить

жизнь. И далекая синяя полоска леса, и облако, белое, кудрявое, над этой полоской, и солнце в вышине -- все была жизнь, и перла она через край, и не заботилась ни о чем, и никого не страшилась.

Егор чуть-чуть сбавил скорость... Склонился, выбрал гаечный ключ -- не такой здоровый, а поаккуратней -- и положил в карман брюк. Покосился -- не

виден он из-под пиджака? Вроде не виден.

Поравнявшись с "Волгой", Егор остановил трактор и заглушил мотор.

-- Галя, иди обедать, -- сказал помощнице.

-- Мы же только засыпались, -- не поняла Галя.

-- Ничего, иди. Мне надо вот тут с товарищами... из ЦК профсоюза поговорить.

Галя пошла к отдаленно виднеющемуся бригадному домику. На ходу раза

три оглянулась на "Волгу", на Егора...

Егор тоже незаметно глянул по полю... Еще два трактора с сеялками ползли по тому краю; ровный гул их как-то не нарушал тишины огромного светлого дня.

Егор пошел к "Волге".

Губошлеп заулыбался, еще когда Егор был далековато от них.

-- А грязный-то! -- с улыбкой воскликнул Губошлеп. -- Люсьен, ты глянь на него!..

Люсьен вылезла из машины. И серьезно смотрела на подходящего Егора, не улыбалась.

Егор тяжело шел по мягкой пашне... Смотрел на гостей... Он тоже не улыбался.

Улыбался один Губошлеп.

-- Ну, не узнал бы, ей-Богу! -- все потешался он. -- Встретил бы где-нибудь -- не узнал бы.

-- Губа, ты его не тронешь, -- сказала вдруг Люсьен чуть хриплым голосом и посмотрела на Губошлепа требовательно, даже зло.

Губошлеп, напротив, весь так и встрепенулся от мстительной какой-то радости.

-- Люсьен!.. О чем ты говоришь! Это он бы меня не тронул! Скажи ему, чтобы он меня не тронул. А то как двинет святым кулаком по окаянной шее...

-- Ты не тронешь его, тварь! -- сорвалась Люсьен. -- Ты сам скоро сдохнешь, зачем же...

-- Цыть! -- сказал Губошлеп. И улыбку его как ветром сдуло. И видно стало -- проглянуло в глазах, -- что мстительная немощность его взбесилась: этот человек оглох навсегда для всякого справедливого слова. Если ему некого будет кусать, он, как змея, будет кусать свой хвост. -- А то я вас рядом положу. И заставлю обниматься -- возьму себе еще одну статью: глумление над трупами. Мне все равно.

-- Я прошу тебя, -- сказала Люсьен после некоторого молчания, -- не тронь его. Нам все равно скоро конец, пусть он живет. Пусть пашет землю -- ему нравится.

-- Нам -- конец, а он будет землю пахать? -- Губошлеп показал в улыбке гнилые зубы свои. -- Где же справедливость? Что он, мало натворил?

-- Он вышел из игры... У него справка.

-- Он не вышел. -- Губошлеп опять повернулся к Егору. -- Он только еще идет.

Егор все шел. Увязал сапогами в мягкой земле и шел.

-- У него даже и походка-то какая-то стала!.. -- с восхищением сказал Губошлеп. -- Трудовая.

-- Пролетариат, -- промолвил глуповатый Бульдя.

-- Крестьянин, какой пролетариат!

-- Но крестьяне-то тоже пролетариат!

-- Бульдя! Ты имеешь свои четыре класса и две ноздри -- читай "Мурзилку" и дыши носом. Здорово, Горе! -- громко приветствовал Губошлеп Егора.

-- А чего они еще сказали? -- допрашивала встревоженная Люба своих стариков.

-- Ничего больше... Я им рассказал, как ехать туда...

-- К Егору?

-- Ну.

-- Да мамочка моя родимая! -- взревела Люба. И побежала из избы.

В это время в ограду въезжал Петро.

Люба замахала ему -- чтоб не въезжал, чтоб остановился.

Петро остановился...

Люба вскочила в кабину... Сказала что-то Петру. Самосвал попятился, развернулся и сразу шибко поехал, прыгая и грохоча на выбоинах дороги.

-- Петя, братка милый, скорей, скорей! Господи, как сердце мое чуяло!..

-- У Любы из глаз катились слезы, она их не вытирала -- не замечала их.

-- Успеем, -- сказал Петро. -- Я же недавно от него...

-- Они только что здесь были... спрашивали. А теперь уж там. Скорей, Петя!..

Петро выжимал из своего горбатого богатыря все что мог.

Группа, что стояла возле "Волги", двинулась к березовому колку. Только женщина осталась у машины, даже залезла в машину и захлопнула все дверцы.

Группа немного не дошла до берез -- остановилась. О чем-то, видимо, поговорили... И двое из группы отделились и вернулись к машине. А двое -- Егор и Губошлеп -- зашли в лесок и стали удаляться и скоро скрылись с глаз.

...В это время далеко на дороге показался самосвал Петра. Двое стоявших у "Волги" пригляделись к нему. Поняли, что самосвал гонит сюда, крикнули

что-то в сторону леска. Из леска тотчас выбежал один человек, Губошлеп, пряча что-то в карман. Тоже увидел самосвал и побежал к "Волге". "Волга" рванула с места и понеслась, набирая скорость...

Самосвал поравнялся с рощицей.

Люба выпрыгнула из кабины и побежала к березам.

Навстречу ей тихо шел, держась одной рукой за живот, Егор. Шел, хватаясь другой рукой за березки. И на березах оставались ярко-красные пятна.

Петро, увидев раненого Егора, вскочил опять в самосвал, погнал было за "Волгой". Но "Волга" была уже далеко. Петро стал разворачиваться.

Люба подхватила Егора под руки.

-- Измажу я тебя, -- сказал Егор, страдая от боли.

-- Молчи, не говори. -- Сильная Люба взяла его на руки. Егор было запротестовал, но новый приступ боли накатил, Егор закрыл глаза.

Тут подбежал Петро, бережно взял с рук сестры Егора и понес к самосвалу.

-- Ничего, ничего, -- гудел он негромко. -- Ерунда это... Штыком насквозь прокалывали, и то оставались жить. Через неделю будешь прыгать...

Егор слабо качнул головой и вздохнул -- боль немного отпустила.

-- Там пуля, -- сказал он.

Петро глянул на него, на белого, стиснул зубы и ничего не сказал. Прибавил только шаг.

Люба первая вскочила в кабину. Приняла на руки Егора. Устроила на коленях у себя, голову его положила на грудь себе. Петро осторожно поехал.

-- Потерпи, Егорушка... милый. Счас доедем до больницы...

-- Не плачь, -- тихо попросил Егор, не открывая глаз.

-- Я не плачу...

-- Плачешь... На лицо капает. Не надо.

-- Не буду, не буду...

Петро выворачивал руль и так и этак -- старался не трясти. Но все равно трясло, и Егор мучительно морщился и раза два простонал.

-- Петя... -- сказала Люба.

-- Да уж стараюсь. Но и тянуть-то нельзя. Скорей надо.

-- Остановите, -- попросил Егор.

-- Почему, Егор? Скорей надо...

-- Нет... все. Снимите.

Петро остановился.

Егора сняли на землю, положили на фуфайку.

-- Люба, -- позвал Егор, выискивая ее невидящими глазами где-то в небе -- он лежал на спине. -- Люба...

-- Я здесь, Егорушка, здесь, вот она...

-- Деньги... -- с трудом говорил Егор последнее. -- У меня в пиджаке... раздели с мамой... -- У Егора из-под прикрытых век по темени сползла слезинка, подождала, повиснув около уха, и сорвалась, и упала в траву. Егор умер.

И лежал он, русский крестьянин, в родной степи, вблизи от дома... Лежал, прикинув щекой к земле, как будто слушал что-то такое, одному ему

слышное. Так он в детстве прижимался к столбам.

Люба упала ему на грудь и тихо, жутко выла.

Петро стоял над ними, смотрел на них и тоже плакал. Молча.

Потом поднял голову, вытер слезы рукавом фуфайки.

-- Да что же, -- сказал он на выдохе, в котором почувствовалась вся его устрашающая сила, -- так и уйдут, что ли? -- Обошел лежащего Егора и сестру и, не оглядываясь, тяжело побежал к самосвалу.

Самосвал взревел и понесся прямо по степи, минуя большак. Петро хорошо

знал здесь все дороги, все проселки и теперь только сообразил, что "Волгу" можно перехватить -- наперерез. "Волга" будет огибать выступ того леса, который синел отсюда ровной полосой... А в лесу есть зимник, по нему зимой

выволакивают на тракторных санях лесины. Теперь, после дождя, захламленный

ветками зимник даже надежнее для самосвала, чем большак. Но "Волга", конечно, туда не сунется. Да и откуда им знать, куда ведет тот зимник?

...И Петро перехватил "Волгу".

Самосвал выскочил из леса раньше, чем здесь успела прошмыгнуть бежевая

красавица. И сразу обнаружилось безысходное положение: разворачиваться назад

поздно -- самосвал несся в лоб, разминуться как-нибудь тоже нельзя: узка дорога... Свернуть -- с одной стороны лес, с другой целина, налитая вчерашним дождем, -- не для городской машины. Оставалось попытаться все же

по целине с ходу, на скорости, объехать самосвал и выскочить опять на большак. "Волга" свернула с накатанной дороги и сразу завиляла задом, пошла

тихо, хоть скреблась и ревела изо всех сил. Тут ее и настиг Петро. Из "Волги" даже не успели выскочить... Труженик-самосвал, как разъяренный бык,

ударил ее в бок, опрокинул и стал над ней.

Петро вылез из кабины...

С пашни, от тракторов, к ним бежали люди, которые все видели.